

ДЖОН М. ФОРД ЛЮДИ НОЧИ

Это книга
уровня
«Имени розы».

Нил Гейман

Жемчужина среди
триллеров
о холодной войне.

Amazon

fanzon

Fanzon. Зона Икс

Джон М. Форд

Люди ночи

«ЭКСМО»

1988

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Форд Д.

Люди ночи / Д. Форд — «Эксмо», 1988 — (Fanzon. Зона Икс)

ISBN 978-5-04-188551-9

«Люди ночи» Джона М. Форда – экстраординарный роман об игре разведок и человеческом предательстве, сплетающий прошлое и настоящее в атмосфере саспенса. Николас Хансард – талантливый историк из небольшого колледжа в Новой Англии. Это внешняя часть его карьеры, а скрытая состоит в работе на Белую группу – «научно-исследовательское и консультативное агентство» с теневыми связями в правительстве. В сотрудничестве с ними Хансард разоблачает тайны старых и новых документов – и проявляет себя как гениальный дешифровщик. Но у выгодной работы много подводных камней. Благодаря ей выясняется: один из друзей и коллег Хансарда, доктор Аллан Беренсон – русский шпион. А затем Беренсон умирает при загадочных обстоятельствах. Потрясённый Хансард совершает побег в мир литературы и погружается в изучение старинной рукописи, которая, возможно, принадлежит перу самого Кристофера Марло. Учёный уверен: нигде нельзя надёжней укрыться от мрачных тайн и убийств современности, нежели в утерянной пьесе 400-летней давности... Никогда ещё он так не заблуждался. «"Люди ночи" – роман в духе британских шпионских триллеров середины века, без фантастических допущений, зато с утерянной пьесой Кристофера Марло в центре сюжета. С точки зрения маркетинга – это книга уровня "Имени розы". Достаточно сказать: "У нас есть чертовски гениальный писатель, который в своей книге соединил высокую культуру с низкой"». – Нил Гейман «Этот роман, сочетающий в себе современность и интриги эпохи Возрождения, – часть заново открытого наследия Форда, лауреата Всемирной премии фэнтези... Форд превращает исторические спекуляции о Марлоу и заговоре с целью убийства королевы Елизаветы в причудливую смесь смертельной игры и высоких технологий – в то, что полюбится как любителям шпионских романов, так и ценителям альтернативных жанров». – Publishers Weekly «В этой книге, полной чёрного юмора и динамичных схваток, с определённым космополитическим весом и подкованностью в вопросах этики

и утилитаризма, – нет ничего лишнего: только чередование трогательных и драматичных сцен со злым экшеном». – Locus «Прямое попадание в мир смерти и предательства. Тонкая художественная работа Форда, хитрая и сложная». – The MYSTERY FANcier «Сюжет с лёгкой примесью Тома Клэнси, но стиль – целиком и полностью Джона М. Форда. В романе все необходимые элементы триллера собраны в более или менее привычную схему, но выстраиваются под таким странным углом, что образуют нечто совершенно иное». – Science Blogs «Чудесный калейдоскоп воображения». – Пол Андерсон «Экстраординарный... одновременно оригинальный и ослепительный». – The Cleveland Plain Dealer

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-188551-9

© Форд Д., 1988

© Эксмо, 1988

Содержание

Предисловие	7
Акт первый. Смерть Сократа	9
Часть первая. Фауст обречен проклятью	9
Часть вторая. У друзей	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джон Форд

Люди ночи

John M. Ford
The Scholars of Night

© 1988 by the Estate of John M. Ford

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Предисловие

За свою сорокадевятилетнюю жизнь Джон М. («Майк» для друзей и коллег) Форд показал себя автором фантастически многогранным. Он сочинял стихи, писал для настольных ролевых игр «Traveller» и GURPS, публиковал книги для детей, выпускал романы. И какие романы! «Сколько за планету?» одновременно комическая опера в духе Гильберта и Салливана и роман во вселенной «Звездного пути». В «Сети ангелов», напечатанной, когда ему было двадцать три, Форд с опережением в несколько лет придумал почти все литературные приемы, которые позже стали ассоциироваться с киберпанком – удивительное достижение для такого молодого писателя. О романе «Дракон не дремлет» я даже говорить не возьмусь; просто прочтите его сами. (Он получил World Fantasy Award в 1984 г.) И, наконец, есть «Люди ночи» или «Школяры ночи».

«Школяры ночи» – это классический британский шпионский триллер эпохи холодной войны, иронический, ибо Майк был американцем до мозга костей. Роман написан в манере забытого мастера этого жанра Энтони Прайса (сейчас лучше помнят Джона Ле Карре, и в романе ему тоже отдана дань уважения, однако в 1980-х самое громкое имя было у Прайса, и он заметно выделяется на фоне Ле Карре и Лена Дейтона). Прайс писал о смертельной игре, которую ведут ученые, историки, школяры ночи, замышляющие измену и продающие душу спецслужбам. Майк следует за своими героями, Алланом Беренсоном и его учеником Николасом Хансардом, к истокам их профессии – к елизаветинскому драматургу и гуляке Кристоферу Марло, который, как считают, шпионил для сэра Фрэнсиса Уолсингема во время холодной войны между протестантской тюдоровской Англией и католическими Испанией и Францией. Мало того что весь роман представляет собой размышления о блистательной, но рано оборвавшейся карьере Марло, но и сюжет вращается вокруг его утраченной и недавно обнаруженной пьесы; находка приводит к страшной мести, которая может погубить мир. Трагическая история убийц из шестнадцатого века заново разыгрывается в лихорадочной атмосфере восьмидесятых.

«Школяры ночи» впервые вышли в 1988-м. Учитывая тогдашнюю скорость издательского процесса, это означает, что роман, скорее всего, был написан в 1986-м. Если вам меньше пятидесяти, вы толком не помните этот период. (А если вам меньше тридцати, он закончился до вашего рождения.)

В предположении, что вам меньше пятидесяти, я представлю вам идеологический Розеттский камень для мира, в котором разворачивается действие романа. Мира, который теперь кажется таким же фантастическим, как прочие миры Майка.

Давайте настроим нашу машину времени на 1986-й, когда Майк писал про Белую группу и смертельную игру ее аналитиков. Эта книга – послание из полузабытого, озадачивающе чужого мира до ноутбуков, интернета и смартфонов. В этом мире, где было слишком много ядерного оружия и где на улицах стояли телефоны-автоматы, куда опускали монетки, очень страшно жилось, если хоть краем глаза читать новости. Мы, видевшие падение Берлинской стены уже взрослыми, росли с мыслью, что каждый миг можем стать горсткой пепла или получить смертельную дозу облучения из-за неисправного датчика или сбоя в дипломатической игре «кто первый струсит»; эта детская травма осталась с нами навсегда. Мне тогда снились кошмарные сны, и почти все сверстники, которых я об этом спрашивал, помнят ощущение липкого ужаса напополам с фатализмом. (Учебные тревоги на случай стрельбы в школе и страхи, связанные с глобальным потеплением, возвращают эту травму для младшего поколения.)

Изменились не только технологии и ядерные кошмары. «Школяры ночи» отражают гомофобию и сексизм 1980-х. То было десятилетие, когда антибиотики еще в основном работали,

но СПИД означал смертный приговор, а геям приходилось скрывать свою ориентацию – с госслужбы могли за нее уволить.

В 1986-м Рональд Рейган перевалил через середину второго президентского срока. Премьер-министром Великобритании была Маргарет Тэтчер, а Генеральным секретарем коммунистической партии Советского Союза недавно стал Михаил Горбачев. В СССР только-только зазвучало слово «перестройка», в отношениях между сверхдержавами сохранялась напряженность, наступившая после смерти Леонида Брежнева. В ноябре 1983 года натовские учения «Эйбл Арчер» чуть не спровоцировали ядерную войну с Советским Союзом. Затем две сверхдержавы отступили от края пропасти – никто на самом деле не хотел конца света, – но, словно две кошки, сидящие друг напротив друга, обе были начеку и ждали нападения. В 1986-м многие на Западе считали СССР экзистенциальной угрозой, а существование примерно шестидесяти тысяч термоядерных бомб подчеркивало, что обе стороны воспринимают эту угрозу всерьез.

Быть может, самым неожиданным различием между 2021-м и 1986-м станет для путешественника во времени не биполярная макиавеллистская политика ядерного противостояния, а то, что *никто не считал победу капитализма неизбежной*. В 1986-м еще существовал глобальный колосс, революционная сверхдержава, которая вместе с государствами-сателлитами и попутчиками вроде Китая представляла треть населения планеты и владела двумя третями земного вооружения. Советский Союз – несостоятельный утопический проект – по-прежнему считал, что указывает путь к светлому будущему. Несмотря на террор и чистки, несмотря на голодоморы и ГУЛАГ, коммунистические государства создавались ради строительства лучшего будущего для человечества, и даже к 1986-му не вся позолота облезла с мощей под украшенной самоцветами риторикой.

Утопические идеалы разом крайне опасны и страшно привлекательны для людей с определенным складом ума. Именно поэтому многие на Западе готовы были сотрудничать с коммунистами ради построения рая для трудящихся. (Эхо этого идеализма слышно и сегодня. Мы все оцениваем политику мериллом, доставшимся нам в наследство от Французской революции – в терминах «правизны» и «левизны», – хотя сама революция умерла через три десятилетия после взятия Бастилии. Кто сегодня может сказать, что дети Ленина не устроят новый Октябрь? И, может быть, со второго раза у них все получится?)

История умеет быстро и безжалостно менять ваши представления о параметрах жизни. После окончания холодной войны в 1989-м и распада СССР в 1991-м в США воцарилась триумфальная уверенность, что социализм побежден окончательно и бесповоротно. Однако в то время, о котором идет речь, эта победа вовсе не казалась предрешенной. Нам так же трудно представить настроения 1986-го, как мир до ковида или Одиннадцатого сентября.

Что возвращает нас к попытке заново оценить «Школяров ночи». Это многослойная книга: на поверхности – захватывающий шпионский триллер и трагедия загробной местности. Однако на другом уровне это комментарий к губительным играм ученых, играм, которые выплескиваются в реальную жизнь (и смерть), когда игроки берутся работать на спецслужбы. Игра очень, очень стара – в нее играл еще Кристофер Марло. Диссидентствующие вольнодумцы запирают двери и принимаются двигать человеческие жизни, как фишки, и вневременная природа игры отражается в лабиринте зеркал от 1580-х до 1980-х.

Читайте эту книгу как памятник ушедшей эпохе или как одну из самых загадочных научно-фантастических трагедий Майка. Оба прочтения хороши.

Чарльз Стросс

Акт первый. Смерть Сократа

Часть первая. Фауст обречен проклятью

*Но вечное движенье звезд все то же...
Мгновения бегут, часы пробьют,
И дьяволы придут, и обречен
Проклятью Фауст!¹*

– «Доктор Фауст», акт V, сцена 2

Николасу Хансарду некуда было бежать. Он смотрел в глаза последнему Йорку и понимал, что Ричард, герцог Глостерский, в стремлении к трону не остановится ни перед чем. Герцог обнажил кинжал, и у него двадцать отменных бойцов, так что сопротивление бесполезно. Однако, возможно, выход еще есть...

– Вам невыгодно меня убивать, ваша светлость, – сказал Хансард.

– Почему?

Хансард подавил улыбку. Ричард имеет обыкновение действовать сгоряча. Убедить его промедлить – значит наполовину выиграть битву, если не войну.

– Потому что мне есть что дать вам, ваша светлость. Богатство. Дома, где вы получите кров и пищу...

– Все это так и так достанется мне.

– Золото, камни, да. Но люди в этих домах? И снаружи? В одном из моих домов лежит договор со ста бургундскими арбалетчиками и пятьюдесятью конными копейщиками.

– Они будут сражаться за меня, если я им заплачу.

– Разумеется. Как и за всякого, кто им заплатит. Увы, с моей смертью договор перейдет к... к другому лицу, у которого есть средства платить наемникам.

– Ты пытаешься меня шантажировать ради спасения своей жизни.

– Не худшая причина.

– Тоже верно, – сказал Ричард. – Но лучше отряд вероломных бургундцев в качестве противников, чем вероломный союзник в вашем лице. Я вас убью.

– Бога ради, Рич.

– Молитвы не помогут, профессор Хансард. Вы убиты.

– Вы в своем амплуа, Рич. – Хансард встал из-за стола и снял фигурку с игрового поля. – О'кей, я убит, я проиграл.

Он взял стопку карт со своей стороны стола и протянул Ричарду Сирсу. Двадцатидвухлетний герцог Глостер был в черных джинсах и футболке Валентин-колледжа с надписью «Дерзай!».

– Все мое движимое имущество и поместья. – Хансард взял еще одну карту и положил перед другим игроком. – Однако бургундцы переходят к леди Анне.

Анна Романо, наследница Ланкастеров (магистрантка, худенькая миниатюрная брюнетка с короткой стрижкой), взяла карту, представляющую наемников, и добавила к стопке своих войск.

– Спасибо, профессор. Мы будем молиться об упокоении вашей души.

– Не говори о себе «мы», пока тебя не короновали. – Ричард вновь опустился в кресло. – Я думал, профессор блефует насчет бургундцев.

¹ Перевод Н. Амосовой (с изменениями).

Хансард повернулся к четвертому игроку, Полу Огдену. Семнадцатилетний Пол только что закончил школу и осенью должен был приступить к занятиям в Валентайн-колледже.

– Итак, Пол, теперь мы имеем классический эндшпиль с тремя участниками, в котором у обоих королевских домов есть сильная поддержка, а третий участник – вы – контролирует парламент. Что вы думаете?

– Я думаю, что хочу пива, – сказал Пол.

Остальные студенты рассмеялись, а Хансард серьезным тоном спросил:

– Так сильно хотите, что готовы ради пива признать поражение в игре?

– Что? – спросил Пол. – А, понял. Как канцлер Англии я могу созвать парламент и поставить вопрос о престолонаследии. И у меня довольно голосов в обеих палатах, чтобы провести свое решение. Однако я могу обеспечить выигрыш либо Анне, либо Ричу, но не могу выиграть сам.

– Продолжайте. – Хансард взъерошил свои белокурые волосы и почесал острый подбородок.

– Чтобы выиграть самому, мне нужен серьезный наследник помимо этих двоих... на что уйдут годы. Я имею в виду часы.

– «Годы» – нормально, – сказал Хансард. – Думайте о годах и о месяцах, не о раундах.

Ричард сказал:

– Вот почему мы разыгрываем эти сцены, а не просто говорим: «Я убил твоего персонажа и забираю карту». Если не думать о том, как мог рассуждать реальный человек в твоей ситуации, это будет просто «Делатель королей» с некоторыми дополнительными правилами.

Пол сказал:

– Другими словами, хочу ли я отказаться от выигрыша, потому что время позднее и я устал... либо, исторически, отдать английский трон другой благородной фракции оттого, что война и так идет уже слишком долго.

– Он достиг синтеза, – сказала Анна.

– Разумеется, – продолжал Пол, – одновременно я думаю: «Что мне мешает уйти? Это же просто игра».

Анна сказала:

– Два синтеза за три минуты. Браво, Пол.

– Совершенно верно, – сказал Хансард. – Это действительно просто игра, не исторический факт. Если в «Делателе королей» или «Дипломатии» когда-нибудь повторятся события реальной Войны Роз или Первой мировой, я снова поверю в Зубную фею. Однако фактов вокруг много – и много того, что прикидывается фактами. Я пытаюсь учить «процессу», тому, что происходит у людей в голове в «исторические» моменты. Ваше желание выйти из игры, потому что вам хочется холодного пива, не то же, что желание покончить с долгой династической войной, однако аналогия тут есть и, думаю, полезная. Если вы умеете думать, как человек пятнадцатого века либо другого изучаемого периода, настоящие факты будут заметны среди фальшивок, как человек в чулках и дублете посреди жилой части Дариена.

– По крайней мере, в некоторых жилых районах Дариена, – заметила Анна. – Мы по-прежнему говорим о холодном пиве?

Хансард сказал:

– Это решать Полу и парламенту.

– Вы шутите, – сказал Пол.

– Нет, – возразил Ричард. – Профессор Хансард сократичен до предела. Если хочешь пива, придется тебе созывать парламент.

Пол глянул на Хансарда. Тот улыбнулся. Пол спросил Анну:

– Так ли ты хочешь пива, чтобы выйти за меня замуж?

– Выйти за тебя замуж, сопляк? – Она глянула на игровое поле и переставила фишку, изображающую Маргариту Анжуйскую, на клетку Кентерберийского собора. – Ладно. Маргарита выходит за канцлера Англии. И желательно, чтобы он не оказался ее близким родственником, потому что хлопот с Римом нам хватает и без того. Теперь созывай парламент и вдарим по пиву.

– Меня можете на свадьбу не приглашать. – Ричард ссутулил плечи. – Ну что, здесь злую зиму превратило в ликующее лето солнце... э... Ланкастера².

– Я говорил вам не убивать меня, Рич, – сказал Хансард. – Пиво в холодильнике.

После набега на холодильник все вернулись в гостиную Хансарда. Ричард, Пол и Анна устроились на кожаном диване с пивом в руках и пустили по кругу косячок. Хансард сидел в деревянном кресле ипил кофе из кружки с надписью «ЦИКУТА». («Я тебе говорил, – сказал Рич Полу, – сократичен донельзя».)

– Что будет, если нас с этим застукают? – спросил Пол между осторожными затяжками.

Ричард ответил:

– Это Коннектикут. Тебя посадят в колодки.

– Видишь, до чего доводят дурные знакомства? Ричард младшекурсник, он может сослаться на возраст, но я в магистратуре, и мне оправданий нет. – Анна рассмеялась и глянула на Хансарда. – И не смейте мне говорить, что я могу сослаться на невменяемость, Николас.

Пол сказал:

– В смысле, что будет с вами, профессор Хансард? Это же вроде...

– Незаконно? Насколько я знаю, да. Но не тревожьтесь за меня, Пол. Валентайн-колледж так либерален, что не станет поднимать шум из-за травки, и так мал, что не боится за свою репутацию. К тому же я не штатный преподаватель, у меня нет постоянных курсов. Я веду семинары, часто в форме игр – вроде сегодняшней, но сложнее, с большим числом игроков. Однако не каждый год, потому что я занимаюсь своими исследованиями.

– Историческими исследования можно зарабатывать на жизнь? – чуть оловелело спросил Пол.

Ричард рассмеялся.

– Это возможно. – Хансард глянул на кофейную кружку, на грозную надпись. – Вы хотите стать профессиональным историком?

– Не знаю... в смысле, я не уверен, что есть такая профессия.

– Так бывает. Так случилось со мной. – Хансард постучал пальцем по кружке. – Когда-нибудь я расскажу о том, кто мне ее подарил.

– *Ното, fuge*³, спасайся, человек! – низким голосом произнес Ричард. – Беги, иначе станешь... протеже!

Глаза у Пола сверкнули.

– А вы согласитесь быть моим научным руководителем, сэр?

– Рановато об этом говорить, – ответил Хансард. – Осенний семестр начнется только через четыре недели, а до тех пор вы еще не студент. Давайте повременим.

Пиво и темы для разговора закончились незадолго до полуночи. Ричард и Пол ушли в летнее общежитие, Анна – в свою квартиру неподалеку от кампуса. Закрывая за ними дверь, Хансард услышал вопрос Пола:

– Здесь всегда так?

– Сейчас лето, – ответил Ричард. – Подожди, начнется осенний семестр. У нас бывает по тридцать игроков, и это офигительно... Ты когда-нибудь участвовал в Войне Севера и Юга?

² ...здесь злую зиму превратило в ликующее лето солнце... э... Ланкастера. – Измененная первая строчка «Ричарда III»: «Здесь нынче солнце Йорка злую зиму в ликующее лето превратило». Перев. А. Радловой.

³ *Ното, fuge* (спасайся, человек – лат.) – В первой сцене второго акта «Фауста» Марло эта надпись появляется на руке у Фауста после того, как тот подписал договор с дьяволом.

Хансард налил себе еще кофе и сел перед игровым полем «Делателя королей». Во время игры ему пришла идея нового правила, попытки убийства, и он хотел записать свои мысли, пока они не забылись.

В дверь позвонили. Анна, сразу подумал он.

И тут же вспомнил Луизу, потому что, думая о любой женщине, всегда вспоминал ее, несмотря на то что Луиза умерла. А может быть, именно поэтому. Двадцать месяцев своей жизни Николас Хансард смотрел, как умирает Луиза Хансард, дома и в больнице, и не было минуты, когда она не мучилась.

До Луизы он никогда всерьез не думал о браке, после Луизы некоторое время не мог думать о сексе. И все-таки одно изменилось и другое тоже.

Анна.

Хансард открыл дверь. Это была не Анна, а человек в мотоциклетной куртке и шлеме, с сумкой через плечо. Мотоцикл, большой «Харлей» с багажной корзиной, стоял рядом с тро-туаром, фара была не выключена.

– Распишетесь в получении, сэр? – спросил курьер.

Он не сказал, от кого пакет и на чье имя, не дал и малейшей подсказки.

Хансард знал и то и другое. Он написал «Кристофер Фрай»⁴ и подождал, пока курьер сверит подпись с образцом. Подписываясь фамилией драматурга, Хансард чувствовал себя немного глупо, как будто подделывает автограф; он сказал себе, что на следующий месяц выберет кодовое имя попроще.

– Минуточку, сэр.

Курьер вернулся к мотоциклу и что-то сделал – за его спиной не было видно, что именно. Хансарду говорили, что у мотоцикла сложная сигнализация, иногда даже заряд самоликвидации. Курьер вернулся с плоским пакетом и отдал его Хансарду.

– Спасибо, – сказал Хансард.

– Не за что, сэр. Доброй ночи.

Курьер тихо уехал. Хансард глянул в небо. Ночь была для августа холодная, очень ясная. Он вернулся в дом, сел рядом со своим кофе, открыл пакет.

Внутри была стопка черно-белых фотографий, снятых под водой; на некоторых виднелся аквалангист. В прямоугольном предмете на первых двух снимках Хансард, присмотревшись, узнал джип, наполовину ушедший в донный ил; на дверце угадывалась белая армейская звезда. На следующей фотографии был кожаный портфель с почти нечитаемыми надписями; Хансард вроде бы разобрал слово «РАЗВЕДКА». На ручке портфеля была закреплена цепь, и она тянулась к...

Это было на следующих фотографиях. В пугающе четком качестве. К последней фотографии скрепкой был приколот машинописный листок.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ОПОЗНАНО КАК ОСТАНКИ Т. С. МОНТРОЗА, МАЙОРА АРМЕЙСКОЙ РАЗВЕДКИ США, ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ В ГЕРМАНИИ 20 МАРТА 1944. ОСТАНКИ ОБНАРУЖЕНЫ В НИДЕРКАССЕЛЕ, ГЕРМАНИЯ, ДЕСЯТЬ ДНЕЙ НАЗАД. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПРОСЬБА ПОДТВЕРДИТЬ УЧАСТИЕ. РАФАЭЛЬ

– Можно ли заработать на жизнь историческими исследованиями, профессор? – тихонько спросил себя Хансард. – Конечно, если знать нужных людей.

Он снял трубку и начал набирать номер.

⁴ Он написал «Кристофер Фрай»... – Кристофер Фрай (1907–2005) – английский поэт и драматург, заметная фигура в театре 1940–1950 годов.

Немецкое небо было голубое, трава зеленая, автокран – защитного цвета, а вода в реке – черная, как смертный грех. Цепи и тросы тянулись по бурому илу, военные топтали рекламносочную траву на берегу. Военные – бундесверовцы и американские саперы – были вооружены. Обычное дело.

Из воды вынырнули два аквалангиста и замахали водителю автокрана. Машина взревела, цепи натянулись. Темная вода заколыхалась.

Чуть дальше на берегу сидел, поджав колени, человек в серой кожаной куртке. У него было невыразительное лицо, спокойные глаза смотрели из-под кустистых черных бровей через очки в металлической оправе. Он что-то печатал в маленьком портативном компьютере, прерываясь каждые несколько минут, чтобы глянуть на военных и автокран.

В нескольких метрах позади него стоял черный «Мерседес» по меньшей мере десятилетнего возраста. К водительской дверце прислонилась сурового вида женщина в зеленом пуховом жилете. Жилет был расстегнут, из-под него выглядывала рукоять пистолета.

Рядом со старым «Мерседесом» остановился другой, новехонький. Из него вышел мужчина в дорогом черном костюме. Он кивнул женщине, и та молча указала на сидящего человека.

Мужчина в костюме прошел к берегу – осторожно, чтобы не запачкать штанины – и глянул вниз.

– Мистер Рулин?

– *Ja*⁵, – ответил сидящий.

– Моя фамилия Кройцберг. Моя организация...

– *Ich hab' Deutsch*⁶, – перебил Рулин.

Кройцберг умолк, затем продолжил по-немецки:

– Моя организация, полагаю, известила вас о моем приезде.

– Да. – Рулин снова глянул на кран; на Кройцберга он по-прежнему не смотрел. – Впрочем, мне не сообщили, зачем вы приедете.

– Документы...

– Это американские документы.

– Однако они найдены на немецкой земле. В немецкой воде, правильнее сказать. – Кройцберг вежливо рассмеялся. – И к тому же они такие старые...

– Если вы прямо сейчас поедете в Бонн, герр Кройцберг, то успеете домой к обеду.

– Не понимаю, – сказал Кройцберг, и Рулин видел, что это правда.

Он сказал без сколько-нибудь явной грубости:

– Я объясню. Эти люди вытащат джип. Человека внутри, вернее его останки, положат в алюминиевый гроб, который вы видите вон там. Гроб запечатают и доставят в лабораторию в Соединенных Штатах. Вертолет вон там, а самолет уже должен был прогреть моторы.

– Однако документы...

– На фотографии видно, что портфель прикован к руке водителя. Так это и останется. Мне случалось видеть, как у покойников в таком состоянии отваливаются конечности; если это произойдет, мы аккуратно положим руку вместе с телом.

– Для меня это неожиданность.

«В точку», – подумал Рулин, но вслух ничего не сказал. Он не дал Кройцбергу предъявить удостоверение, или заговорить по-английски, или еще как-то утвердить свое превосходство. Он ничего Кройцбергу не должен.

Кройцберг сказал:

– Мои полномочия...

⁵ Да (нем.).

⁶ Я знаю немецкий (нем.).

– У вас здесь нет ровным счетом никаких полномочий, герр Кройцберг, и вам это известно. У вас есть *разрешение* наблюдать, чем вы сейчас и занимаетесь. Вы не заглянете в портфель. Я не загляну в портфель. Никто в него не заглянет, пока он не попадет в лабораторию. *Das ist fast alles*⁷.

Кройцберг пробормотал что-то не по-немецки и не по-английски.

Рулин сказал:

– Я вырос в Хамтрамке⁸, герр Кройцберг, и тоже хорошо умею ругаться на польском. Однако на самом деле я не церэушная сволочь. У меня церэушные документы, но здесь я как приглашенный советник. Своего рода гражданский спец.

– Вы не из... разведки?

– Давайте воздержимся от лишних оскорблений, герр Кройцберг. Я археолог, эксперт по вскрытию гробниц, раскапыванию захоронений, всему такому. Я подходил по всем параметрам.

– И кто вас сюда послал?

– Человек по имени Рафаэль.

Кройцберг задумался.

– Я не знаю Рафаэля.

– Ваша организация знает. Почему бы вам не поехать домой и не спросить у начальства?

– А если я этого не сделаю?

– У вас есть разрешение наблюдать. Впрочем, должен предупредить, что у миз Доннер есть разрешение вас застрелить, если вы попытаетесь предпринять что-либо еще.

Кройцберг повернулся. Женщина в зеленом пуховом жилете широко ему улыбнулась. Затем достала из кармана пластинку жевательной резинки, развернула и принялась жевать.

Кройцберг смотрел на нее приоткрыв рот.

Рулин сказал:

– Она называет свой пистолет «Блитцен». Вы, наверное, слышали про американцев, которые дают имена своим пистолетам. В ее случае, боюсь, название меткое.

Доннер подвигала челюстью и выдула пузырь, лопнувший так громко, что двое военных обернулись в ее сторону.

Кройцберг сказал тихо:

– *Donner und Blitzen?..*⁹ *Toll. All ganz' toll*¹⁰.

Затем повернулся к Рулину и добавил:

– Разумеется, я составлю об этом полный отчет.

– Разумеется, – ответил Рулин.

Кройцберг побрел обратно к машине. Он помедлил мгновение, глянул на Доннер – та выдула пузырь из жевательной резинки и помахала рукой, – сел в автомобиль и уехал.

Доннер выплюнула жвачку на траву.

– Думаешь, он напишет в отчете про «Доннер и Блитцен»?

– Если верить досье, он очень дотошен.

– Он придурок.

– В Управлении «К» его считают придурком, заслуживающим всяческого доверия.

Доннер нахмурилась:

⁷ Это почти все (нем.).

⁸ *Я вырос в Хамтрамке*. – Хамтрамк – город в штате Мичиган; до конца XX века большую часть его населения составляли поляки.

⁹ *Доннер и Блитцен* (Гром и Молния) – последние два оленя в списке оленей Санта-Клауса согласно стихотворению Клемента Кларка Мура «Визит Святого Николая» (1823); правда, у Мура они носили голландские имена, но в американской традиции закрепились в немецком варианте.

¹⁰ Доннер и Блитцен. Прекрасно. Просто прекрасно (нем.).

– Так мне теперь называть свой пистолет дурацким именем? Из-за того, что ты захотел кого-то пугнуть?

– Убедить его, Кэрри, убедить. Что бы ни думал сейчас Кройцберг, он точно убежден, что мы очень, очень серьезно относимся к содержимому портфеля. – Рулин встал, сунул компьютер под мышку, отряхнул брюки. Потом глянул на дорогу, по которой уехал Кройцберг. – Именно это он и скажет своим нанимателям.

– Которым?

– И тем, и тем. Но Москве в первую очередь. Для Кройцберга его приоритеты очень важны.

Они двинулись вдоль берега к военным и крану.

Река под краном забурилась. Цепи скрежетали, машина гудела от нагрузки. Над водой показались фары, похожие на глаза исполинской лягушки, из прорезей в светомаскировочных крышках текла грязь.

– Смотрел «Психо»?¹¹ – спросила Доннер.

Джип медленно вылезал на поверхность, отовсюду хлестала вода с мелкими камушками. За сорок лет машину наполовину занесло, аквалангисты отчасти ее раскопали, но все равно она была облеплена грязью по бамперы. Белая звезда на пассажирской двери – аквалангист, нашедший джип, счистил с нее ил – блестела неожиданно ярко.

Водитель сидел на сиденье более или менее прямо, одна рука вывесилась за дверь. С такого расстояния лицо у него было несколько карикатурное – рот очень, очень широко открыт. Некоторые военные заметно нервничали. Рулин предполагал, что некоторых стошнит – в таких случаях всегда тошнило как минимум кого-нибудь одного. Реки, гробницы, пирамиды, неважно – уже много лет новые открытия были связаны для него с запахом рвоты.

– Хорошо, поддержи так, – сказал он крановщику. – Пусть вода немного стечет.

Утреннее солнце вспыхнуло на хлещущей из джипа воде, и грязные струи засверкали алмазным дождем.

Небо над Эдинбургом было пасмурным, но не бесцветным – по нему бежали акварельные тучи всех оттенков серого, индиго и стали.

Аллан Беренсон запахнул плащ, надвинул фетровую шляпу и пошел через дорогу, отделяющую большой сетевой отель от крохотной гостиницы, где он остановился и где его ждали. Электрическая вывеска большого отеля влажно светилась в тумане, стеклянный фасад поблескивал, словно сверток в полиэтиленовой пленке. Гостиничка впереди была темной и готической под дождем – тихая, чуть мрачная, но бесконечно более уютная.

– Добрый вечер, доктор, – сказала пожилая толстуха за стойкой, когда Беренсон забирал ключ. – Сыровато сегодня.

– Да, немножко.

– Прислать вам в номер чаю?

– Буду очень признателен, миссис Кроми. Два, пожалуйста. Мне с молоком, даме – с лимоном.

Миссис Кроми кивнула и заговорщицки улыбнулась:

– Я мигом заварю, доктор.

Беренсон улыбнулся в ответ, поднялся по лестнице, тихонько постучал и открыл дверь. Номер – однокомнатный, десять футов на двадцать – был обставлен потертой мебелью более или менее в одном стиле: моррисовское кресло, трельяж, чайный столик, двуспальная кровать. Женщина в синем трикотажном платье сидела на кровати и снимала чулки.

– Не так скоро после лестницы, – очень тихо проговорил Беренсон. – У меня сердце не выдержит.

¹¹ Смотрел «Психо»? – Фильм Альфреда Хичкока (1960). В этом фильме автомобиль с трупом топят в болоте.

– В таком случае я не позволю тебе расстегивать пуговицы.

– Нет уж, позволь. – Он подошел, провел рукой вдоль застежки на спине платья, затем поцеловал женщину в шею. – Однако миссис Кроми принесет чай. Давайждемся ее.

– И долго...

В дверь постучали. Беренсон открыл дверь и принял поднос. Затем повернулся и ногой захлопнул дверь. Женщина сидела на кровати очень прямо, смиренно сложив руки на коленях, скрестив голые щиколотки и улыбаясь, как послушная школьница. Беренсон рассмеялся и чуть не расплескал чай.

– Как ты думаешь, я угодила старой вуайеристке?

– Она милейшая старушка и тайны хранит лучше, чем целая контора швейцарских банкиров. – Беренсон поставил поднос на стол. – Так сперва чай или пуговицы?

– Чай остынет, – сказала она. – Я...

– Тсс.

Он налил чай. Платье соскользнуло на пол. Женщина повесила его на плечиках на дверь, ушла в крохотную ванную, потянувшись к застежке лифчика.

Беренсон повернулся к окну и, потягивая чай, стал глядеть сквозь стекло в частом переплете. Дождь усилился. За дорожками от капель Беренсон видел гору, похожую на изготовившегося к прыжку льва – Трон Артура, – черный Эдинбургский замок и, разумеется, сетевой отель.

– Проклятый империализм, – сказал Беренсон.

– У нас была империя, – заметила женщина.

Из ванной она вышла в сером шелковом кимоно и села на кровать.

– Не такая. Мы экспортируем свой паршивый фастфуд и свои паршивые сетевые отели по всему миру. У вас, по крайней мере, есть хоть какое-то уважение к местной кухне. И архитектуре. Мы хотим поставить чертовы Золотые арки «Макдоналдса» над Запретным городом.

Беренсон отвернулся от окна.

– А знаешь, что по-настоящему смешно? Именно в этом куске трансплантированного Огайо останавливаются ребята из КГБ. – Он вновь глянул на вывеску. – Мой связной с Палатинном сейчас в номере шестьсот четырнадцать, выдает себя за луизианского нефтяного магната и лихорадочно тратит деньги с золотой карты «Американ экспресс».

– А где останавливаются цэрэушники?

– Здесь.

– Это не смешно, Аллан.

– А я и не шучу, дорогая. Про эту конкретную гостиницу я узнал от приятеля, оперативника ЦРУ. В Лондоне он останавливался в Ковент-Гардене, в крохотном отеле – десяток номеров, ресторана нет. Уверял меня, что там жил Грэм Грин. Возможно, это определило его выбор.

– Он не может объявиться здесь?

– Он на пенсии. Живет в Орегоне, ловит рыбу.

Беренсон подошел к кровати, сел на ситцевое покрывало рядом с женщиной.

– Русские любят самые американские гостиницы. Американцам нравится местный колорит... и, разумеется, им тоже хочется чувствовать себя международными шпионами. – Он погладил ее шею под воротником кимоно. – Где, черт возьми, КГБ добывает золотые карты «Американ экспресс»? Считается ли Московский Народный банк «крупным международным финансовым учреждением»?

– А что любят в гостиничных номерах англичане? – спросила женщина. – Помимо того, чтобы их гладили вот... здесь.

– Англичане любят преуменьшения.

– Наверное, это я и нашла в тебе. – Она сунула руку под его расстегнутую рубашку. – Ты так элегантно преуменьшаешь.

– Я слишком для тебя стар.

Она двинула рукой вниз по его груди, по жестким седым волосам и старым шрамам.

– Именно это меня в тебе и привлекло, разве не знаешь? Я подумала, глянь на этого старикашку, наверняка в постели он будет упоительно тосклив.

– И это тоже не шутка, – тихо сказал Беренсон и погладил ей волосы. – «Изменника какая впустил дверь? Ворота разве, что изменники зовут своими¹², пред ним откроются и затворятся со стуком топора».

– Это из Скинской рукописи?

– Да.

– И ты уже цитируешь по памяти. Так ты правда думаешь, что это Кристофер Марло?

Руки Беренсона замерли.

– Возможно, – задумчиво проговорил он. – Если это подделка, то чертовски хорошая. Не говоря уже о мотиве. Зачем подделывать пьесу Кристофера Марло, а не дневники Гитлера и не завещание Говарда Хьюза?¹³

– Чье завещание? А, безумный миллионер, мороженое¹⁴.

– В Москве очень вкусное мороженое.

– Это не из Кристофера Марло.

– Последний раз я был в Москве года два назад и гадал, чем бы занимался, чтобы не сойти с ума, если бы мне пришлось жить там до конца дней.

– И ты думал про мороженое. А про меня?

– Тебя я тогда не знал.

– Я не дам тебе сойти с ума. – Она хохотнула. – И мороженое у тебя тоже будет.

– А когда я умру?

– Тогда все мороженое достанется мне.

– Я серьезно.

Мгновение она молчала.

– Да, вижу. Что ж, хорошо. Ты не собираешься бежать к нашим восточным товарищам, и я тоже. Если бы мы так сделали, они просто до конца нашей жизни изображали бы видимость доверия, со мной особенно. Нет. Мы найдем какую-нибудь тихую нейтральную страну, крохотный карибский островок, и будем жить одни, как персонажи Яна Флеминга.

– Скорее как персонажи любовного романа для домохозяек... и разве есть нейтральные страны? По-моему, нет. Шельфовый ледник Росса в последнее время сильно политизировался.

Она взяла его круглое лицо в ладони и принялась кончиками пальцев массировать ему виски. Руки у нее были очень сильные, ногти – короткие, безукоризненной формы.

– Тогда мы упадем на колени перед ЦРУ или МИ-6, как уж она будет называться в том месяце, и попросимся назад, и они заколют упитанного тельца и дадут нам перстни на руки, потому что лучше вернувшийся блудный сын, чем очередной перебежчик в Москве.

– Я был знаком с Филби¹⁵.

¹² «Изменника какая впустил дверь? Ворота разве, что изменники зовут своими...» – Намек на Ворота Изменников в Тауэре – через них по воде доставляли государственных преступников.

¹³ Зачем подделывать пьесу Кристофера Марло, а не дневники Гитлера и не завещание Говарда Хьюза? – «Дневники Гитлера» были изготовлены в 1980-х немецким художником Конрадом Куяу и проданы журналу «Штерн» за 9 миллионов марок, и лишь через месяц после начала публикации эксперты установили, что это фальшивка. Говард Робард Хьюз-младший (1905–1976) – американский предприниматель, режиссер, продюсер, один из богатейших людей в мире. Хьюз, человек крайне эксцентричный, не оставил завещания, что стало причиной множества судебных процессов; в 1978 г. было найдено его рукописное завещание, которое оказалось фальшивкой.

¹⁴ А, безумный миллионер, мороженое. – Среди историй о чудачествах Хьюза была и такая: он любил бананово-ореховое мороженое «Баскин-Робинс», а поскольку его перестали выпускать, заказал изготовить для себя минимальную партию – 1300 литров. Через несколько дней бананово-ореховое ему надоело, и он захотел ванильного, а бананово-ореховое долго бесплатно раздавали в казино.

¹⁵ Я был знаком с Филби. – Ким Филби (Гарольд Адриан Рассел Филби, 1912–1988) – один из самых известных двойных

- Знаю. Я не хочу говорить про Филби. Я вообще не хочу говорить, и ты тоже.
- Ты храбрее меня, – сказал он. – Если что-нибудь пойдет не так, ты теряешь целую жизнь.
- А ты нет?
- У меня есть ты. Только ты.
- Аллан.
- Извини. Палатайн через связного сообщил, что НОЧНОЙ ГАМБИТ одобрен и управлением «Т», и управлением «С».
- Через связного?
- Палатайн больше не покидает Лондона. Известно, что скоро ему на пенсию, так что, покуда он далеко не суется, на него не обращают слишком большого внимания. – Он помолчал. – Тебя не хватятся...
- Меня не хватятся, Аллан. В чем дело?
- Все завертелось очень быстро... Предпремьерный мандраж, ничего больше.
- У тебя не бывает предпремьерного мандража. Даже в первую ночь. – Она засмеялась, потом внезапно оборвала смех. – Тебя что-то напугало, Аллан. Расскажи мне что.
- Обещай, – сказал Беренсон, – что, если со мной что-нибудь случится, ты ляжешь на дно.
- А что насчет других агентов?
- Они знают только свои конкретные роли. Лишь ты и я знаем всё.
- Ты, я и КГБ.
- КГБ почти знает. В том-то и суть. У КГБ есть план и список агентов – но нет возможности этот план осуществить. Список зашифрован.
- Что? – Она улыбнулась изумленно и восхищенно.
- Имена и фамилии зашифрованы, но довольно просто. Я уверен, что кагэбэшники смогут взломать шифр, и они тоже уверены, потому и приняли список в таком виде. Но у каждого агента есть ключевое слово... а в списке слова другие. Я предупредил агентов, что, если им назовут слова из открытого списка, надо уходить. Настоящие слова... думаю, Москва их не угадает.
- Ты мне ничего из этого прежде не рассказывал. Какое у меня тайное слово?
- В этом не было... – Он мотнул головой. – И у тебя нет тайного слова. Я... решил, что оно тебе не понадобится.
- Ты гений. Что тебя напугало?
- Ничего, – сказал он. – Ничего, – и притянул ее к себе, теряя голову от запаха ее волос. Она коснулась его пояса, и он ахнул.
- Хм, – сказала она, берясь за его ширинку. – Французский гюльфик с клапаном. Тут поможет только...
- Она начала наклоняться, но он двумя руками поймал ее лицо.
- Не сейчас, – сказал он. – Я хочу... еще чуть-чуть на тебя посмотреть.
- Она нахмурилась.
- Скажи мне, что случилось... пожалуйста, Аллан.
- Кто-то прошел по моей могиле, вот и все.
- Сейчас уже поздно жалеть.

агентов нового времени. Филби происходит из аристократической британской семьи, прозвище Ким получил в честь героя Киплинга, но симпатизировал коммунистам, в 1933 г. был завербован советской разведкой, после чего поступил в МИ-6 и скоро достиг там высоких постов. Филби входил в Кембриджскую пятерку – ядро сети советских агентов, завербованных в Кембридже и занимавших высокие посты в разведывательной и дипломатической службе. В 1963 г., когда Филби грозило разоблачение, его нелегально переправили в СССР, где он и жил до конца дней.

– Я жалею только из-за тебя, – сказал Беренсон. – Я мог бы любить тебя не скрываясь. Я мог бы тебя кое с кем познакомить... Бывают минуты, когда я думаю...

– А бывают минуты, когда ты не думаешь? Давай выясним... ой, нет, теперь я не могу. Что ты думаешь?

– Что мы могли бы сделать то же самое иным способом. Таким способом, который не требовалось бы скрывать. Без всей этой тараканьей беготни в темноте.

Она проговорила очень тихо и мягко:

– Тебе непременно надо быть доктором Фаустом, ведь правда.

– И Фауст обречен...

Она закрыла ему рот поцелуем. Через минуту или больше она ослабила объятия и, не отстраняясь от него, сказала:

– Ты изменишь мир, Аллан. Не бойся.

– Изменю мир, – тихо повторил он.

– Да.

– Это должно изменить мир, верно?.. Иначе это будет обычным предательством.

Он снова крепко притянул ее к себе, и вздохнул, и задрожал.

* * *

Майор Монтроз боялся, и не фашистов. Немцы знали, что война окончена. Здесь не было фронта, не было организации, почти не было войск, за исключением фолькштурма – стариков и детей, которым выдали ржавые винтовки или ручные гранатометы и велели защищать фатерланд. Монтроз вдавил газ, и джип покатился в холодной сырой ночи.

Минометный огонь озарил разбитую дорогу. Невесть откуда взявшиеся солдаты вермахта перебежали из одного горящего дома в другой. Монтроз подумал было поехать за ними. В крайнем случае его убьют. Возможно, не худший исход.

Сесили получит телеграмму: С ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ ЗПТ ВАШ МУЖ ПОГИБ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНОГО ТАЙНОГО ЗАДАНИЯ. Ей вручат коробочку с медалью. Монтроз сам отправлял такие телеграммы. Тайное задание. Убит. Сесили, о господи.

Залп ударил в дорогу позади джипа, просвистели осколки. Монтроз так сжал баранку, что побелели костяшки пальцев. Наручник, на котором держался портфель, врезался в запястье. Монтроз высматривал немецких солдат. Мысль и впрямь совсем не плоха. Даже если портфель попадет в какой-нибудь местный штаб, немцы ничего не сделают. И службе безопасности СС, и абверу уже поздно что-либо предпринимать. А ведь есть еще организация Гелена¹⁶... «Черт, – подумал Монтроз, – я мог бы работать на генерала Гелена. Это было бы самое разумное. Гелен вытащил бы меня из этой передраги».

Внезапно Монтроз понял, что сбился с пути не только фигурально, но и буквально. Карты у него не было – он находился во вражеском тылу, и карты ему не полагалось: вдруг его возьмут в плен и фрицы узнают важные секреты, например расположение собственных речек и городов. Снова заработала артиллерия – засвистели снаряды, загремели разрывы. Изредка слышались винтовочные выстрелы, но одиночные. Значит, боя поблизости нет. Артиллерия может ударить с любой стороны.

¹⁶ А ведь есть еще организация Гелена. – Рейнхард Гелен (1902–1979) – генерал-лейтенант вермахта во время Второй мировой войны, один из руководителей разведки на Восточном фронте. После разгрома фашистской Германии передал свой архив американской военной разведке, в результате чего было достигнуто соглашение о сотрудничестве. Гелен создал «Организацию Гелена», которая работала под немецким руководством при американском финансировании и позже была преобразована в Федеральную разведывательную службу Германии.

Дорога впереди упиралась в другую, перпендикулярную, дальше чернела река. Монтроз сбавил ход и задумался. Если это действительно та река, что он предполагает, если он не ехал в обратную сторону, то она течет с востока на запад.

На западе американцы, на востоке русские. «Им не сойтись никогда»¹⁷, – подумал Монтроз и свернул направо, к западу.

Дорога была пуста. Черная лента реки бежала слева. Если впереди мост, то дело плохо, авиация не любит немецкие мосты. Но если это обычная сельская дорога, большого моста на ней, скорее всего, нет.

У него есть шанс добраться живым.

Несколько минометных снарядов разорвались рядом с джипом. Шина лопнула. Монтроз обнял баранку, пытаясь удержать машину, и тут что-то тридцатифунтовым молотом ударило его в левое запястье. Баранка крутанулась. Левую ногу свело от боли, и она вдавила педаль газа в пол. Джип слетел с дороги и прыгнул с обрыва в черную реку.

Майор Монтроз оказался под водой до того, как полностью осознал, что произошло. Он попытался открыть джип и выбраться, но дверцу заело. А может, не работала рука. Он ничего не видел, но чувствовал воду, ее запах и вкус. Он толкнулся от пола. Ничего не произошло. Он должен был всплыть, тела всплывают, Монтроз это видел не раз. Он попытался поднять руки и не смог. Ладно, левая рука ранена, но правая...

Правая была прикована к портфелю, *а портфель застрял...*

– У него было воздуха не больше чем на тридцать секунд, – сказал Николас Хансард, указывая на папку с посмертными рентгенограммами майора Монтроза. Она лежала на столе рядом с фотографиями, расшифровками диктофонных записей и картой, на которой Хансард восстановил последнюю поездку майора. – Левое запястье ему повредило осколком снаряда, левую ногу – ударной волной. Скорее всего, он не выбрался бы из машины, даже если бы портфель не застрял. Река небольшая, но в этом месте на удивление глубокая.

Хансард встал. В конференц-зале, обшитом светлыми кленовыми панелями и освещенном люминесцентными лампами, было очень-очень тихо за счет мягкого бурого ковра и белого шумоизолирующего потолка. Мебель ограничивалась столом, на котором лежали документы, и двумя кожаными офисными креслами. Хансард рассеянно почесал в затылке, подвигал головой, разминая затекшую шею, и наконец, почти непроизвольно, глянул на другое кресло, на Рафаэля, который без малого два часа молча выслушивал его лекцию.

Рафаэль был в белом костюме, крахмальной голубой рубашке и синем шелковом галстуке с тонким серым рисунком. И одежда, и кожа идеально гладкие – ни складочки, ни морщинки. Золотисто-белокурые волосы плавной волной лежали на высоком лбу, лицо состояло из плоскостей – угловатые кости, обтянутые тонкой прозрачной кожей. Большие, ярко-голубые глаза смотрели с пугающей ясностью. Было в Рафаэле что-то неприятно чужеродное, как будто инопланетянин принял человеческий облик, но то ли не сумел, то ли не потрудился довести иллюзию до конца.

Рафаэль возглавлял Белую группу; что именно это означает, никто толком не знал. Что такое Белая группа – «научно-исследовательское и консультативное агентство по вопросам политики в области разведки и международных отношений» – тоже никто толком не понимал. Ее штаб-квартира располагалась в Джорджтауне, в буром каменном здании, неотличимом от сотни других, служащих фасадом сотне других организаций.

– Вы каждый раз меня изумляете, доктор Хансард, – сказал Рафаэль. – Не могли бы вы пояснить некоторые ваши умозаключения? Откуда вы знаете, что майор Монтроз сбился с пути?

¹⁷ «Им не сойтись никогда». – Р. Киплинг, «Баллада о Западе и Востоке». Перев. В. Бетаки.

От Хансарда не ускользнуло, что Рафаэль всегда спрашивает: «Откуда вы знаете?», а не «Почему вы думаете?».

– Время. – Хансард, избегая смотреть в голубые глаза Рафаэля, указал на карту. – Мы знаем, что майор увиделся со связным вовремя – учитывая обстоятельства, встреча не состоялась бы, не будь он в назначенной точке в указанный час. И нам известно расстояние, которое ему предстояло проделать. Нет ни одного места, где он мог бы остановиться, даже чтобы... даже на несколько минут. Он должен был ехать все время с конца встречи до момента падения в реку. И чтобы провести столько времени за рулем, он должен был исколесить почти все окрестные дороги.

– Допустим, он все же сделал остановку. Например, спрятался в сарае, чтобы дожидаться наступления своих.

Хансард помотал головой:

– Бензобак джипа был почти пуст. У нас есть данные последней заправки в гараже. Они подтверждают время езды.

– А когда произошла авария?

– Часы майора остановились при попадании осколка минометного снаряда. Точно в двадцать три двадцать три.

– Как удачно для нашего анализа, – сказал Рафаэль. – А нервность майора Монтроза? Как я понимаю, он не первый раз выполнял задания во вражеском тылу.

Хансард кивнул:

– Но такое – впервые.

Он открыл другую папку. В ней лежали компьютерно улучшенные светокопии разбухших от воды документов из майорского портфеля. Хансард помолчал, затем спросил:

– Вы их прочли?

– Да, – ответил Рафаэль. – Что вы о них думаете?

– Если они подлинные...

– Доктор Хансард.

– Извините. Да, я думаю, они подлинные. Верность времени безупречная. Физическое состояние – длительность пребывания под водой, состав бумаги и так далее – в точности соответствует сорок пятому году. Передайте Стрингеру, что его работа, как всегда, выше всяких похвал.

– Стрингеру приятно будет это услышать.

Стрингер возглавлял научный отдел Белой группы.

– Да, но я имел в виду, если это *правда*...

– Да?

– Документы могут быть аутентичными, но содержать ложную информацию, – сказал Хансард. – Они могут быть немецкой черной пропагандой с целью дискредитировать упомянутых в них лиц.

– Вы верите в такую версию? – Рафаэль говорил холодно, отстраненно – голос радиопослания с далекой звезды.

– Увы, нет. – Хансард бросил папку на стол, снял и протер очки. – Согласно досье, семь высокопоставленных офицеров объединенной западной разведки на самом деле действовали как независимые шпионы и получали деньги за то, чтобы скрывать информацию от западного командования. Они работали и на немцев, и на Советы. В частности, один из семерых знал, что некоторые члены немецкого верховного командования состоят в «Красной капелле», советской шпионской организации в Германии, однако не сообщил об этом своей разведывательной службе... Если верить докладной записке Стрингера, по крайней мере три члена «Красной капеллы» оказались в послевоенной разведке Западной Германии, и один помог Советам

внедрить своего человека в высший эшелон западногерманской контрразведки. Вы помните скандал, связанный с его разоблачением...

– Помню.

– Если остальные семеро имели такое же влияние, будут еще скандалы. Вернее, шестеро.

– Седьмым, разумеется, был майор Монтроз.

– И это объясняет его нервозность.

– Да уж... Мне любопытно, доктор Хансард, на чем основаны ваши выводы касательно жены Монтроза?

– В кармане у него были письма. – Хансард помолчал. – Она не... вернее, нет оснований полагать, что она подозревала о его двойной жизни. Естественно, в письмах ничего нет, майор знал, что они попадут к цензору, и все же... Я провел сторонние исследования. Сесили Монтроз точно не участвовала в шпионаже.

– Насколько мне известно, доктор Хансард, миссис Монтроз нет в живых.

– Она умерла в тысяча девятьсот шестьдесят девятом.

– Да.

Хансард не понял, было это согласие, одобрение или...

Рафаэль сказал:

– Спасибо вам за анализ, доктор Хансард. Вы получите гонорар плюс обычный бонус.

– Рафаэль...

– Да, доктор Хансард.

– Аллан Беренсон состоит в Белой группе?

– Доктор Беренсон из университета Колумбия?

– Вы знаете, о ком я.

– Я просто уточняю, доктор Хансард. Эти документы указывают на причастность доктора Беренсона?

– Я... не знаю.

– Единственный правильный ответ в таких обстоятельствах, доктор Хансард. Материалы требуют долгого дополнительного анализа. Однако, отвечая на ваш вопрос, нет. Доктор Аллан Беренсон никогда не был связан с Белой группой.

Хансард заставил себя взглянуть на Рафаэля. Мог бы и не заставлять: лицо директора Белой группы было абсолютно непроницаемо.

– Спасибо, Рафаэль.

– Разумеется, доктор Хансард, назначение Белой группы – консультировать. И, если не ошибаюсь, доктора Беренсона одно время рассматривали как кандидата на пост советника президента по национальной безопасности.

– Он говорил, что... да.

– У вас есть еще вопросы, доктор Хансард?

– Нет, Рафаэль.

– В таком случае я пожелаю вам доброго дня.

– Всего хорошего, Рафаэль.

Рафаэль встал и вышел из комнаты. Хансард проводил его взглядом, невольно засмотревшись на стремительную плавность его движений. Дверь за Рафаэлем закрылась. Хансард поежился, глянул на бумаги и внезапно поймал себя на том, что до боли стиснул зубы. Он собрал бумаги и вышел в прохладный тихий коридор, а оттуда в дымку и влажную духоту августовского Вашингтона, пытаясь решить, о чем подумать в первую очередь.

Кабинет Рафаэля был отделан белым травертином, под ногами лежал синий ковер того же оттенка, что эмалированная решетка потолка. На белых шнурах висели синевато-зеленые папоротники в белых керамических кашпо. Папоротники мягко колыхались в бесшумном токе

воздуха из потолочной решетки. По стенам висели карты, часы, показывающие время в разных городах мира, и десяток видеомониторов. Ближайший монитор показывал улицу перед штаб-квартирой Белой группы; Рафаэль наблюдал, как Хансард выходит из здания. Тот мгновение стоял на тротуаре, очевидно, высматривая такси, потом зашагал к ближайшей станции метро.

Рафаэль нажал кнопку на панели, встроенной в его стол из стекла и стали.

– Стрингер.

– Да, Рафаэль?

– Доктор Хансард обычно идет отсюда в Смитсоновский институт, верно?

– Да.

– Проверьте по камерам метро, пожалуйста. Затем приходите сюда с досье по находке тела Монтроза.

– Да, Рафаэль.

Рафаэль выключил все мониторы, сел в кресло, сложил пальцы домиком и до возвращения Стрингера ни разу не шевельнулся.

Стрингер был тучен и брыласт, с короткими черными волосами и маленькими усиками. Он носил дешевые белые рубашки, узкие галстуки тусклых цветов и брюки с подтяжками. На работе его наряд дополняли очки в квадратной черной полуоправе; Стрингер действительно страдал дальнороркостью и не мог обходиться без очков, но на его толстом лице они выглядели комически. Некоторые утверждали, что Стрингер похож на Оливера Харди¹⁸, и в силу подсознательной магии, которая в Вашингтоне часто подменяет логику, считали его очки шуткой. Они ошибались. Стрингер был лишен чувства юмора.

Рафаэль поднес тонкую руку к острому подбородку и сказал:

– Документы нашлись очень удачно. Не слишком ли? Почему в реке работали водолазы?

Стрингер ответил:

– Искали местную девушку. Она угрожала броситься с моста, если родители не разрешат ей выйти за автомеханика. Родители сказали «нет», девушка исчезла, парень настаивал, что не видел ее, так что водолазы прочесывали реку.

– История подлинная?

Стрингер открыл папку, которую принес с собой.

– Доннер и Рулин поговорили с местными полицейскими. Девушка пришла к парню, чтобы убежать с ним, сказала, что беременна, все как всегда. Он убил ее разводным ключом, закопал тело под...

– Подтверждения? – спросил Рафаэль.

– На стандартном уровне проверки все чисто. Родители и парень живут там с рождения. По словам Доннер, вероятность, что это принесение в жертву девственницы, ниже разумного уровня.

Если для того, чтобы убедить противную сторону в достоверности подброшенной фальшивки, требуется смерть, обычно эффективнее и дешевле убить кого-либо не из системы. Некоторые разведывательные организации предпочитают такой метод, как охотники на оленей, которые стараются не стрелять друг в друга.

– Я согласен, учитывая, что смерть лишь указала на место нахождения документов. Однако попросите Доннер проверить, могли ли родители знать о джипе в реке.

– Дальнейшие действия?

– Передайте досье ЦРУ, как договаривались. Поблагодарите за то, что доверили нам анализ и обеспечили Рулина документами. Выставьте им счет по обычной ставке плюс пятьдесят

¹⁸ Некоторые считали, что Стрингер похож на Оливера Харди. – Оливер Харди (1892–1957) – американский комедийный актер, участник комического дуэта «Лорел и Харди». Амплуа Харди в этом дуэте – толстяк, вечно расплачивающийся за проделки тощего товарища.

процентов за вызов без времени на подготовку и сто процентов за скорость проведения анализа. – Рафаэль свел кончики пальцев. – И подготовьте служебную записку для Моссада, что причастность генерала Гелена маловероятна.

По иронии, составляющей всегдашнюю обыденность шпионского бытия, Гелен участвовал в создании израильской секретной службы.

Стрингер мелким аккуратным почерком сделал пометку в папке.

– Что-либо еще?

– Пока нет. ЦРУ, без сомнения, придумает нам какое-нибудь дело. – Рафаэль шумно выдохнул; возможно, это был вздох. – Как и КГБ. И все остальные.

Между магазинчиками под Ар-си-эй-билдинг Рокфеллеровского центра женщина в сером деловом костюме говорила по одному из таксофонов в длинном ряду. «Хорошо, я вам перезвоню», – сказала она человеку, с которым разговаривала первый и последний раз, затем повесила трубку и присоединилась к потоку женщин в костюмах. Она никогда не читала книг о том, как одеваться, чтобы достичь успеха, но прошла курс, как одеваться, чтобы тебя не заметили.

У входа в метро на Шестой авеню, которую житель Нью-Йорка не назовет авеню Америк под угрозой расстрела¹⁹, женщина встретила с вышедшим из Макгроу-хилл-билдинг мужчиной в коричневом костюме. Они поздоровались как знакомые, не уверенные, что хотят становиться друзьями, вместе прошли через турникеты к платформе от центра, немного подождали и сели в первый вагон экспресса Б. Через две остановки, на Пятьдесят девятой улице, они дождались поезда К, в который вместе с ними сел третий человек.

Эти трое звались Борис, Нил и Сьюзен. То не были их настоящие имена или имена в их паспортах, просто клички, выбранные компьютером на предварительной стадии операции. Нил – мужчина в коричневом костюме – держал в руке «дипломат», Сьюзен – холщовую сумку. Борис был в джемпере, джинсах, не новых, но чистых кедах, с рюкзаком за спиной и велосипедной клипсой на брючине, хотя и без велосипеда. На Манхэттене никто не удивится, не найдя велосипеда там, где, по твоим словам, он был десять минут назад.

Поезд К без объяснения причин задержался на станции, затем поехал в сторону от Манхэттена под Центральным парком. Эта стадия операции доставила планировщикам самую большую головную боль. В Нью-Йорке в среднем две операции в месяц срывается и четыре приходится перестраивать на ходу из-за задержки поездов в метро. Планировщики рассматривали вариант с такси, но такси не всегда удается поймать в нужный момент, и шофер необязательно забудет пассажиров, особенно теперь, с появлением таксометров, печатающих квитанции. Личные автомобили застревают в пробках, к тому же их трудно припарковать в удобном месте. Как-то машина, оставленная на три минуты в центре Квинса, исчезла без следа вместе со значительным количеством оружия и взрывчатки.

Для особо важных заданий у организации имелось официально зарегистрированное такси. Модифицированный автомобиль обошелся в \$35 000, лицензия – в \$280 000. Планировщики боялись выпустить его на улицу.

Три оперативника вышли из поезда К и разделились. Несколько кварталов до искомого здания – викторианского особняка на особо чистой и ухоженной улице – каждый прошел своим путем. Нил и Сьюзен ждали на тротуаре. Борис поднялся по каменным ступеням и сделал вид, будто давит на кнопку домофона. Затем он отпер замок отмычкой, что заняло тридцать секунд

¹⁹ ...не назовет авеню Америк под угрозой расстрела... – Шестую авеню переименовали в авеню Америк в 1945 г. в честь «панамериканских идей и принципов», к большому неудовольствию ньюйоркцев, которые продолжали называть ее по-старому. С некоторых пор официально стали употребляться оба названия, а сейчас табличек «авеню Америк» почти не осталось.

– замок был хороший, – и открыл дверь. Нил и Сьюзен вслед за ним вошли в дом. Сьюзен и Борис поднялись на пятый этаж в лифте, Нил – по лестнице.

Здание благопритствовало операции: здесь не было консьержа, на этаже располагалось всего по две квартиры. Квартиру 5б занимала виолончелистка, которая три дня в неделю преподавала в Бруклинской музыкальной академии. Сотрудник, которому Сьюзен звонила из Рокфеллеровского центра, подтвердил, что виолончелистка по-прежнему на работе. Она не могла вернуться до завершения операции, даже если выехала минуту спустя.

Борис и Сьюзен подошли к двери квартиры 5а. Нил стоял у лестницы. Он открыл чемодан и достал нечто, похожее на водяной пистолет – ярко-зеленый, в пластмассовом корпусе с выдавленным рельефом и с тонким пульверизатором на конце дула. Никого этот явно игрушечный предмет не напугал бы больше чем на секунду.

Сьюзен позвонила в квартиру 5а. Открыл человек в шлепанцах, халате поверх пижамы и очках в черной оправе. Очки составляли проблему, но незначительную. Судя по всему, открывший и был их объектом, но протокол требовал удостовериться.

– Доктор Аллан Беренсон? – спросила Сьюзен.

– Да? – сказал хозяин квартиры, но тут же чуть сощурился. – Вы звонили снизу?

Впрочем, он уже не удерживал дверь, так что это не имело значения.

Нил быстро двинулся к двери. Сьюзен пинком открыла ее на всю ширину и посторонилась, пропуская Бориса. Тот выставленными пальцами правой руки ударил доктора Беренсона под грудину, а левой аккуратно сорвал с того очки. Объект судорожно выдохнул, отступил на шаг и поднял руку к лицу. Нил, улыбаясь во весь рот, вскинул ярко-зеленый игрушечный с виду пистолет, направил пульверизатор в лицо доктору Беренсону и нажал на спуск. Раздался щелчок (впрочем, не громче чем от детского пистолетика с пистонами), и беловатое облачко расплылось в тот самый миг, когда доктор Беренсон глубоко вдохнул.

Доктор Беренсон упал и умер еще в падении либо в первую секунду после того, как его тело коснулось персидского ковра. Его кожа приобрела синюшный оттенок. Медики называют это явление цианозом – корень тот же, что в слове «цианид».

Нил все с такой же широкой улыбкой наблюдал, как Беренсон падает. Секунду он смотрел на тело, потом сказал Борису и Сьюзен: «*Na'zdroye*» и спустился по лестнице, на ходу убирая газовый пистолет в «дипломат».

Борис и Сьюзен вошли в квартиру 5а и заперли за собой дверь. Борис отдал очки Сьюзен, затем сел на корточки и поднял тело Беренсона. Один шлепанец свалился на пол, Сьюзен забрала его той же рукой в перчатке, которой держала очки покойника.

Борис перенес тело на кухню. На столе лежал недоеденный сэндвич, рядом стояла недопитая кофейная кружка с надписью «ЦИКУТА». Справа лежала открытая книга, ручка чайной ложки отмечала место, где Беренсон остановился.

– Отличная обстановка, – сказал Борис, без усилия держа тело. – Американцы такие предупредительные. Стол?

– Холодильник, – ответила Сьюзен.

Она распахнула дверцу холодильника. Борис опустил тело ногами на пол, удерживая его вертикально. Сьюзен надела на убитого очки. Глаза у него были полуоткрыты.

– Годится, – сказала она.

Борис покачал тело туда-сюда, словно примериваясь к удару в бильярде или гольфе. Затем чуть подтолкнул Беренсона вперед. Тело упало в раскрытый холодильник, стеклянные полки задребезжали. Отбивная в полиэтиленовой пленке вывалилась на пол, открытый пакет молока опрокинулся, из него полилась белая струйка.

Сьюзен глянула на босую ногу Беренсона, оценила угол и бросила шлепанец примерно в нужном направлении. Точность не требовалась и была бы даже вредна; судороги умирающего исключительно непредсказуемы.

Борис сказал:

– Ты видела...

– Погоди.

Сьюзен взяла с нижней полки холодильника большой спелый помидор и разжала руку. Помидор разбился о пол, забрызгав лицо Беренсона семенами и соком.

– Это зачем еще? – спросил Борис.

– Сок сбивает лабораторные анализы, – ответила Сьюзен. – Ты, что ли, методички не читаешь? – Она пошла к двери. – Коробка на столе. Смотри под ноги.

– Это я и без методичек знаю, – сухо заметил Борис и пошел за Сьюзен из кухни в кабинет, избегая наступать на капли томатной мякоти и молоко, растекающееся лужицей вокруг тела.

На антикварном письменном столе со сдвижной крышкой и гнездами для писем стояла медная лампа под зеленым абажуром, тяжелая бронзовая пепельница с эмблемой Чикагского университета (в пепельнице лежала горстка мелочи) и электронный телефонный аппарат, помещенный в деревянный корпус, чтобы меньше выбивался из обстановки. Середину стола занимала черная металлическая коробка с черными ремешками. Коробка была открыта. Внутри лежала стопка затрепанных по краям листов, мелко исписанных бурыми чернилами.

– Это оно, – сказал Борис.

Он достал из рюкзака «ПолярOID», отступил на шаг и нажал кнопку. Блеснула вспышка, и аппарат выбросил проявленную фотографию.

– Машинописная расшифровка тоже нужна. – Сьюзен оглядела кабинет. – Поищи в гостинной.

Борис вернулся через минуту с тонкой пачкой прошитых степлером машинописных страниц. Сьюзен взяла их, аккуратно положила на старинный манускрипт в коробке, закрыла ее и принялась затягивать ремешки.

Борис открыл ее сумку и достал металлическую коробку, такую же, как на столе.

– Готово?

– Да. – Сьюзен взяла со стола манускрипт.

Борис поставил на его место коробку, которую держал в руках, расстегнул ремешки, снял крышку. Внутри лежали машинописные листки, а под ними – исписанные бурыми чернилами страницы, такие же, как в первой коробке.

– Отличную работу они проделали, – сказал Борис, глядя на поляроидный снимок, чтобы уложить коробку в точности как она лежала.

– Им за нее платят, в точности как нам за нашу, – ответила Сьюзен.

Борис указал на копию расшифровки.

– На ней не будет его отпечатков пальцев.

– Пол на кухне, – сказала Сьюзен.

Борис кивнул, взял прошитые листы и открыл кухонную дверь. Ручеек молока бежал мимо стола, за которым читал Беренсон. Борис легким движением кинул машинописные листы в молоко, глянул на кофейную кружку с надписью «ЦИКУТА», усмехнулся про себя и закрыл дверь.

Сьюзен застегивала свою сумку, в которой лежала коробка с манускриптом.

– Время?

– Двадцать две минуты. – Борис последний раз глянул на фотографию, затем убрал ее и фотоаппарат в рюкзак.

– Приятно с тобой работать, Борис.

– Надо нам как-нибудь с тобой выпить, Сьюзен, – сказал он, и оба рассмеялись.

Это была профессиональная шутка, смешная и страшная одновременно. Смешная, потому что они, скорее всего, больше не встретятся, страшная, потому что, если кого-нибудь

из них пригласят выпить и тот, придя, увидит другого, значит поблизости будет кто-нибудь вроде Нила. Улыбающийся тому единственному, чему улыбаются люди такого сорта.

Николас Хансард держал на коленях кружку с надписью «ЦИКУТА». Кофе в ней давно остыл. Хансард думал о человеке, который подарил ему эту кружку и велел из нее пить.

Это было через полгода после того, как Луиза наконец умерла. Хансард болтался в Нью-Йорке с никому не нужной докторской степенью, преподавательским сертификатом и долгами за медицинское обслуживание, сумма которых не укладывалась в человеческое воображение. Он тратил свои обеденные деньги в игровом магазинчике «Умелый стратег» на Тридцать третьей улице и заметил список на доске объявлений для игроков в «Дипломатию». В углу, под номером телефона, стояло: «Докторская степень обязательна».

Хансард позвонил по указанному номеру. «Докторская степень по истории, – сказал он. – Я предпочитаю играть за Австро-Венгрию». Человек на другом конце провода рассмеялся и пригласил Хансарда на квартиру Беренсона в Верхнем Вест-Сайде.

«Дипломатия» – военно-политическая настольная игра; действие происходит в вымышленной Европе начала двадцатого века. Правила проще, чем в шахматах, но шахматы – дуэль без жалости и уступок. В «Дипломатии» семь игроков заключают и нарушают союзы, предлагают сделки и ждут удачного времени для предательства. Группа доктора Беренсона состояла из университетских преподавателей, политиков и настоящих дипломатов. Человек пятнадцать жили в Нью-Йорке, еще десятка два приходили играть, бывая в городе по делам или проездом. Докторская степень на самом деле не требовалась. «Честно сказать, – заметил Беренсон, – я все жду, когда кто-нибудь позвонит и скажет: “К черту степень, возьмите меня в игру”».

Собирались в квартире 5а, одетые в костюмы с Сэвил-роу, куртки-сафари или футболки с джинсами, изредка во фраках. Деревянные фигурки, изображающие армии и флоты, были изготовлены по индивидуальному заказу. Над огромным, покрытым стеклом игровым полем орехового дерева красовалась табличка:

ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДЕРЗКИМ ВЫ, РАЗВЯЗНЫМ, ГОРДЫМ, РЕШИТЕЛЬНЫМ, А ИНОГДА УДАРИТЬ, КОГДА ПРЕДСТАВИТСЯ УДОБНЫЙ СЛУЧАЙ.²⁰

– Кристофер Марло, – сказал Хансард, увидев ее в первый раз. – «Доктор Фауст».

– Верно, – воскликнул Беренсон, радуясь, как может радоваться лишь преподаватель, получивший от студента правильный ответ. – Одна из самых актуальных в наше время пьес, я полагаю.

Отсюда разговор перешел к театру и актуальности, политике и актуальности, истории и политике. Сложившийся вокруг Беренсона мозговой трест не мог ограничиться настольной игрой, когда реальность оставляет такой простор для игр.

Как-то в воскресенье, в два часа ночи, после того как Хансард привел Турцию к трудной победе, они с Беренсоном смотрели по кабельному телевидению дебаты в нижней палате конгресса. Обсуждалась помощь Никарагуа.

– Чертов империализм, – сказал Беренсон.

– Вы хотите, чтобы сандинисты победили? – спросил Хансард.

– Я хочу, чтобы им не давали повода сваливать свои поражения на других. Шайка Ортеги списывает на контраст любые преступления своей администрации. Они истребляют мискито, вводят карточки на все подряд, закрывают газеты и прижимают церковь, а все потому, что где-то есть человек с оружием американского производства.

²⁰ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДЕРЗКИМ ВЫ, РАЗВЯЗНЫМ, ГОРДЫМ, РЕШИТЕЛЬНЫМ, А ИНОГДА УДАРИТЬ, КОГДА ПРЕДСТАВИТСЯ УДОБНЫЙ СЛУЧАЙ. – Марло, «Эдуард II», акт II, сцена 1. Перев. А. Радловой.

– Москва в любом случае будет поддерживать их режим.

– И что с того? Это ее трудовые деньги, пусть делает с ними что хочет. Давайте я расскажу вам маленький грязный секрет современной войны. Она никому не по средствам. И я не про то, чтобы взрывать большие бомбы, хотя их, безусловно, очень и очень много. Цена мобилизации для крупных держав стала неподъемной.

Беренсон встал, подошел к игровому полю «Дипломатии» и глянул на разноцветную карту.

– В масштабе театра военных действий с финансовой точки зрения приемлема лишь ядерная война, поскольку она предполагает использование имеющегося оружия одноразового применения. Ракете, после того как она выпущена, не надо покупать запчасти, обеспечивать ее горячим питанием, медициной и сухим местом для ночевки. Не надо платить ей зарплату, не надо возвращать ее домой на корабле или в гробу. Она даже хоронит себя сама, можно сказать.

Он провел рукой по игровому полю.

– Проблема со старым добрым широкомасштабным термоядерным конфликтом в том, что в военном смысле он дает хер с маслом. А мы с вами оба говорили миллиону студентов, что война – продолжение политики. Добром вам того, чего вы хотите, не отдадут, приходится пускать в ход кулаки.

Беренсон заходил по комнате.

– И если вы рассчитываете уцелеть – именно уцелеть, а не победить, никто не *побеждал* в войне с тысяча восемьсот семидесятого года, и никто никогда не выигрывал широкомасштабную войну, – вы можете сказать: «Дай мне то, чего я хочу, или я тебя убью». И даже если вы не рассчитываете победить, вы можете сказать: «Дай, или я расхерачу нас обоих так, что мало не покажется».

Он вернулся к игровому полю; его лицо отражалось в стекле.

– Но никто так не говорит, потому что угроза неубедительна – трудно поверить в конец света. Мы вообще верим в поразительно малую часть того, что говорим другой стороне. В этом и заключается одно из чудес дипломатии.

Таков был Аллан Беренсон – циничный, выпендрившийся, выкручивающий язык ради нужных слов. Вскоре после этого Хансарду пришло письмо из Валентайна. Он впервые слышал об этом колледже и тем более не посылал туда резюме, поэтому заключил, что обязан работой Беренсону.

Даже после первого звонка от Рафаэля и первого проекта Хансард подспудно считал, что Беренсон связан с Белой группой и как-то, как-то...

– Никогда не влюбляйся в гипотезу, – сказал Хансард вслух.

Снова Аллан Беренсон, в другой раз, когда они засиделись допоздна:

– Журнал «Иностранные дела» был бы куда правдивее и значительно интереснее, если бы некоторых деятелей время от времени называли лживыми ублюдками. Однако наша беда в том, что мы все актерствуем. Весь мир действительно театр. Театр жестокости, театр войны, театр абсурда. Мы играем в «Дипломатию», но реальная дипломатия – тоже игра, и в ней надо скрывать свои заветные желания, чтобы выменять чужое сокровище на хлам.

– Аллан, – сказал Хансард чуть хмельным от пива «Фостерс» голосом, – правда ли, что вы чуть не стали советником президента?

Беренсон рассмеялся:

– Правда ли? Да. Я за малый чуток не стал главным бонзой по нацбезопасности. Давайте расскажу, как все было.

Он рассказал. Это была запутанная вашингтонская история с упоминанием громких имен и влиятельных комитетов, закончившаяся тем, что жена некоего сенатора услышала некое слово во время обеденного приема на лужайке перед Белым домом.

– Итак, сенатор сказал: «Профессор, я надеюсь, вы объяснитесь прямо». А я ответил: «Не знаю, насколько прямее я мог бы выразиться, сенатор. Марксистский пропагандист объявил бы, что средства производства должны принадлежать народу, но я говорю вам, идите в жопу».

Эту часть рассказа Хансард запомнил, а громкие имена и названия комитетов забыл.

Пока не прочел две фамилии в списке майора Т. С. Монтроза. Фамилии людей, которые начинали с торговли разведданными, а позже стали торговать своим влиянием и репутацией, чтобы подсадить шпионов в высшие эшелоны западных спецслужб.

Филби был в коротком списке кандидатов на пост главы британской разведки. Израильский агент Эли Коэн так успешно внедрился в сирийскую армию, что едва не стал министром обороны Сирии. В том, что законсервированный советский агент мог стать советником президента по вопросам национальной безопасности, не было ничего фантастического. Как и в том, что дело сорвалось из-за того, что кто-то незначительный обиделся на какое-то незначительное слово.

Хансард встал и заходил по собственной игровой комнате. По стенам висели исторические репродукции: страница из Книги Судного дня, план монастыря Святого Галла, вербовочный плакат конфедератов. В шкафу лежали артефакты – пуля из Лексингтона, камень из магического круга в Эйвбери, глиняный черепок и обрывок веревки в стеклянном кубе – фрагмент печати из египетской гробницы, подаренный ему Винсом Рулином из Белой группы на прошлое Рождество. И, разумеется, здесь были книги для работы, либо по случайным интересам, либо потому, что ему нравились их корешки – много книг, потому что для любви есть много причин.

Хансард подумал, что комната очень похожа на игровую Аллана Беренсона. Не из сознательного подражания: историки по природе своей хомяки, живут в норах, украшенных блестящими осколками прошлого. Беренсон так и не нашел времени побывать у него в гостях, несмотря на приглашение заглядывать когда угодно. Все дела, дела... Хансарду внезапно отчаянно захотелось, чтобы Аллан увидел эту комнату; необязательно похвалил или вообще как-то о ней отозвался, просто знал бы о ее существовании.

Хансард глянул на телефон. Номер Беренсона сам всплыл в памяти. Хансард снял трубку и начал набирать номер. Аллан объяснит ему, что это неправда. Будь это правда, Аллан бы ему сказал.

Он положил трубку, налил в холодный кофе двойную порцию ирландского виски и выпил залпом. Потом лег и мгновенно заснул.

Проснулся он рано и неотдохнувшим. В восемь по радио сообщили о смерти Беренсона.

– Ух ты, – протянул таксист, пересекая Амстердам-авеню. На перекрестке с Катедрал-паркуэй стояли больше десяти черных стретч-лимузинов. – Это кто ж помер?

Хансард сказал:

– Высадите меня здесь.

Таксист резко затормозил у первого же свободного места на Сто десятой улице. Хансард дал ему чаевые в треть суммы на счетчике и зашагал на восток, к церкви Святого Иоанна Богослова. Горгульи улыбались ему, глядя сверху вниз.

Между лимузинами стояли полицейские автомобили и черные седаны с причудливыми антеннами на багажниках. Здесь же расхаживали люди с рациями и перекинутыми через руку плащами. Двадцать девятого августа в Нью-Йорке было пасмурно, в воздухе чувствовалась предгрозовая духота, но плащи не имели к этому ни малейшего отношения.

Один из людей с рацией сказал Хансарду:

– Извините, сэр. Мероприятие закрытое.

– Я по приглашению. – Хансард достал водительские права.

Человек с плащом через руку назвал в рацию фамилию Хансарда и его номер соцстрахования, затем попросил открыть «дипломат».

– Извините, сэр, – сказал фэбээровец? агент Секретной службы? – Требования безопасности. Наша работа.

– Да. – Хансард закрыл «дипломат» и пошел к собору.

Перед длинным лимузином собрались шоферы в одинаковых черных костюмах и белых рубашках с узкими черными галстуками. Черные фуражки лежали на капоте. Шоферы курили и пили из банок диетическую пепси. Некоторые были рослые, плечистые, спортивные, у других на рубашках остались складки там, где баранка упирается в брюхо, но из-за одинаковых темных очков в тонкой металлической оправе все казались на одно лицо. Эти люди гоняли на своих больших автомобилях, зная, что никто их не остановит, парковались в непопозволенном месте и прикуривали от штрафных квитанций. Формально привилегии относились к их пассажирам, но именно шоферы безнаказанно проезжали на красный свет.

Хансард подумал, что Аллан назвал бы это «наглядным примером просачивания благ сверху вниз»²¹, и они бы вместе посмеялись.

Подъехал еще один лимузин, мускулистый шофер вышел и открыл дверцу. Вылез пассажир в темно-синем костюме с багровым аскотским галстуком и большим перстнем на пухлой руке. Лицо под седой шевелюрой, несмотря на морщины, отчасти сохраняло былую тонкость.

– Здравствуйте, Рэй, – сказал Хансард.

Арнольд Рэйвен ответил:

– О, привет, Николас. Рад встрече, пусть и по грустному поводу.

Охранник попросил у Рэйвена документы, глянул на карточку и спросил:

– Сэр, у вас нет чего-нибудь с фотографией?

Рэйвен поднес ламинированную пластиковую карточку к рации охранника.

– Арнольд Рэйвен, «Вектаррей технолоджи». – Он приложил карточку к рации. – За эти устройства мы берем с налогоплательщиков немалые деньги. Отчего бы вам не пользоваться своим?

Охранник тем же вежливым тоном сказал: «Да, сэр» и пропустил Рэйвена; они с Хансардом вошли в собор. Внутри было прохладно, тихо и темно, свет пасмурного дня едва пробивался через витражи.

– Вам здесь нравится? – спросил Рэйвен, указывая на серые каменные арки.

Хансард поднял голову: своды уходили больше чем на сто футов вверх. Впереди, словно в зеркальном коридоре, тянулись бесконечные арки.

– Я не так часто здесь бывал. Это... впечатляет.

– Это громада, Николас. Впрочем, я пристрастен. Джонни Рокфеллер вбухал сюда полмиллиона долларов. Кажется, дьявол однажды предложил Христу дворец, и Христос отказался.

Хансард невольно улыбнулся, самую малость.

– А где бы вы провели эту церемонию?

– Для меня тут вопроса нет. Афинская агора. Но, разумеется, Афины в этом году не обсуждаются. Наши друзья с «узи» под пиджаками, те, что стоят снаружи, психанули бы от одной этой мысли. Интересно, что они думают о наших субботних покерных посиделках у Аллана?

Они свернули, прошли через сувенирную лавку собора, мимо открыток и миниатюрных горгулий, и оказались во внутреннем дворе.

²¹ Аллан назвал бы это «наглядным примером просачивания благ сверху вниз». – Экономическая теория просачивания благ сверху вниз, на которой строилась рейганомика (снижение подоходного налога и урезание субсидий бедным), постулировала, что доходы состоятельных людей, как бы просачиваясь сверху вниз, достаются в конечном счете всем американцам.

Здесь хранилась резба для все еще не завершенного собора: штабеля облицовочных плит, мраморные блоки, составленные, словно детские кубики. Посередине на траве установили шатер с чашей для пунша на столе. Мужчины в темных костюмах и женщины в черных платьях разговаривали небольшими группками. Всего здесь было человек тридцать.

– Вообще-то, серьезная техническая проблема, – сказал Рэйвен. – Где собрать разнообразных дипломатов и миллионеров без того, чтобы какие-нибудь боевики сорвали поминки?

– А где прах?

– Боб Куллен забрал. Развеем его над шельфовым ледником Росса.

Хансард негромко хохотнул.

– Последнее неполитизированное место на планете. Хорошо придумано. Это Роб решил?

– Аллан. Сказал Куллену с год назад.

Хансард стиснул зубы.

Если Аллан знал... если он был болен... если досье Монтроза и смерть Беренсона – всего лишь совпадение...

– Он не знал, – неопределенно заметил Хансард.

– Мы все знаем, Николас, – удивленно возразил Рэйвен. – Аллан производил впечатление фаталиста?

– Нет.

– То-то и оно. Возможно, он просто пошутил... потому что говорил тогда с полярником. Кому-нибудь другому он сказал бы: «Похороните меня на “Титанике”». Или на Луне. – Рэйвен почесал голову. – Жаль, я об этом не подумал. У «Арианэспас»²² передо мной должок. Мы могли бы запустить его на орбиту. – Он пожал плечами. – А, вот и гранд-дама. Подойдем?

Несколько человек собрались вокруг элегантной седовласой женщины в инвалидном кресле, курящей одну за другой нат-шермановские сигареты²³, изготовленные по индивидуальному заказу. Она подняла взгляд и улыбнулась.

– Николас.

– Тина. – Хансард двумя руками взял ее старческую ладонь.

– Я воспринимаю такое обращение как заигрывание, молодой человек. Но вам можно.

Августину Полоньи ранили в позвоночник при бегстве из Венгрии после краха революции 56 года. С тех пор ее имя несколько раз упоминали в связи с Нобелевской премией по экономике, но всякий раз она оказывалась для комитета недостаточно такой-то или слишком эдакой. На жизнь она зарабатывала тем, что кого-то консультировала.

Хансард подозревал, что у Полоньи с Алланом был когда-то роман, возможно неоднократный, но не особо об этом думал и уж точно не собирался думать сегодня.

Рэйвен сказал:

– Если Николас заигрывает, то что делать мне?

– Здравствуйте, Рэй. «Вестерн вакуум энтерпрайзес», Хайленд-Дальняя.

Мужчина, стоявший за спиной Полоньи, сказал:

– «Оберштрассе Космей», любые грузы до Брекенбери.

Говоривший был отставным астронавтом.

– Минуточку, минуточку. – Рэйвен достал из кармана бумажник. Внутри лежал компьютер размером с чековую книжку, снабженный множеством кнопочек и жидкокристаллическим экраном. Рэйвен принялся нажимать кнопки. – Как вы понимаете, я должен позвонить многим другим и узнать их ходы. В интересах честности.

²² «Арианэспас» – созданная в 1980 г. французская компания, которая первой начала осуществлять коммерческие запуски в космос.

²³ ...нат-шермановские сигареты... – Nat Sherman – марка очень дорогих сигар ручной работы и элитных сигарет.

– Все че... – начал было астронавт, потом осекся и кивнул. – Да, вы правы. Сегодня вы правы.

– Это какая? – спросил Хансард.

– «Космический торговец три», – ответил Рэйвен. – Трамповые грузовые перевозки на последнем рубеже. У нас база данных на девяносто планет, двести сорок артикулов товара, сложные правила...

– Меня вы не пригласили, – заметил Хансард.

Рэйвен нахмурился, постучал пальцем по карманному компьютеру.

– Хм, Николас, деньги настоящие. Цена участия – двадцать тысяч.

– О. В таком случае без меня. – Хансард помолчал, чувствуя, что Рэйвену неловко. Что сказал бы Аллан? – К тому же я больше по истории, чем по научной фантастике. Кто-нибудь хочет сыграть в «Анналы Медичи» с настоящим ядом?

Все засмеялись, и Хансард засмеялся с ними.

Мужской голос спросил:

– Вы играете в *игры*? На *похоронах*?

Сразу наступила тишина, и все обернулись.

– Кто вы? – спросила Полоньи голосом точным, как скальпель.

Кто-то из гостей сделал быстрый знак рукой. У Хансарда заныло под ложечкой.

Гостья, которую он знал, Сэндридж, преподавательница университета Макгилла, подошла сзади к человеку, задавшему вопрос про игры.

– Он со мной, – сказала она.

– Нельзя было оставить его с нянькой? – пробормотал кто-то.

– Ларри не был знаком с Алланом, – сказала Сэндридж.

Вновь наступила неловкая пауза.

Хансард сказал:

– Это не похороны. Это – вечер памяти, если можно так выразиться... если бы вы знали доктора Беренсона, вы бы поняли, что это самый правильный способ о нем вспомнить. Многие из нас были его партнерами по играм. Я познакомился с ним за игровой доской и половину того, что знаю от него, услышал за ней. Мы продолжаем играть, чтобы он оставался с нами.

– Э... хм... извините, – промямлил Ларри.

Сэндридж тронула его за руку и увела прочь со словами: «Мне надо кое-что тебе объяснить».

Через минуту Полоньи сказала:

– Спасибо, Николас.

Хансард перевел дыхание. Никто больше не смеялся.

– Мне самому это показалось фразерством.

Рэйвен заметил:

– Фразерством? Укорять себя за фразерство в окружении политиков, дипломатов и прочих пустозвонов?

Другой гость, бывший посол, сказал:

– К слову о фразерстве, помните, как однажды Хэнк Киссинджер играл за Австро-Венгрию и...

Хансард глянул на Августину Полоньи, она глянула на него, и все остальные словно бы перестали существовать. Хансарду хотелось сказать ей, что они играют в память о Беренсоне, поскольку он, Хансард, убил Беренсона своей маленькой игрой с документами Монтроза. Однако это тайна: бумаги, причины, действия. У государств есть свои императивы и привилегии, но все сводится к тому, кто убивает и кого убивают.

– Вы в числе наследников, – говорил Рэйвен.

– Наследников? – переспросил Хансард.

– Там немного – деньги пойдут в благотворительные фонды, а поскольку квартира в Нью-Йорке, из-за нее будет свара. – Рэйвен шумно вздохнул. – Полагаю, назначить меня душеприказчиком было его последней шуткой.

Хансард подумал: «Нет, последняя шутка – я. Просто не очень смешная».

Рэйвен сказал:

– Мебель и личные вещи предстоит разделить между несколькими людьми из нашей компании, включая вас, Августину и меня. Я поручил составить опись, но из-за всякой ерунды с тем, что у Аллана могли быть служебные документы, это займет несколько дней.

– Я никуда не уезжаю, – ответил Хансард.

Рэйвен кивнул:

– Там Кей Паркс, она тоже в списке. Увидимся.

Он пошел прочь.

Хансард с Полоньи остались одни. Она прикурила следующую сигарету и сказала:

– Вы заметили в собравшихся что-нибудь особенное? Если не заметили, я огорчусь.

– Не говорите так, – сказал Хансард, затем смягчил фразу словом «пожалуйста».

– Но вы сами обратили на это внимание. Когда просветили спутника доктора Сэндридж, зачем мы здесь.

– Когда я... – Он внезапно понял: она хочет, чтобы я думал, а не горевал. Хорошо, буду думать. – Когда сказал, что это не похороны... никто не скорбит. Не плачет, насколько я вижу.

– Да, – медленно проговорила Полоньи. – Похороны – это прощанье. Но мы еще не достигли этой стадии. Все произошло так внезапно, вдали от глаз, что осознание запаздывает... Однако эти люди собирались вокруг Аллана, а вы помните, что он был центром любой компании.

– Здесь мы без центра, – сказал Хансард. – Сразу чувствуется, кого нет... Люди уже расходятся.

– Аллан терпеть не мог дураков. – Полоньи вскинула на него глаза. – И если вы скажете, каким угодно тоном, что он терпел вас, я вам никогда этого не прощу, Николас. Кроме шуток. – Она помрачнела, затянулась и, отвернувшись от Хансарда, выпустила дым. – Сегодня не время для восхвалений; вы правы, они были бы фразерством. Вы уходите, Николас?

– Думаю, да. Там сложно идти через собор. – Он указал на ручки инвалидного кресла. – Разрешите?..

– Вечно заигрывает, – сказала она, и Хансард уловил напряжение в ее голосе. – Спасибо, я справлюсь. До свидания, Николас.

– До свидания, Тина.

Небо уже совсем затянуло, где-то далеко рокотал гром. У дверей собора Хансард обернулся. Полоньи сидела одна и курила, глядя в никуда.

Он нагнал Рэйвена по пути через длинный неф; они молча пошли рядом. На улице шофер Рэйвена, поправив очки и кепку, распахнул дверцу.

– Вас куда-нибудь подбросить? – спросил Рэйвен.

– Нет... спасибо.

– Что ж, мне тоже нечего сказать. Я пришлю вам опись. Надо будет встретиться... и обсудить.

– Хм... Я бы... взял доску для «Дипломатии». Если никто другой не...

– Я сразу подумал, что она ваша.

В неподвижном воздухе раскатился гром.

Рэйвен сказал:

– Извините, Николас, но мне надо ехать домой и прореветься.

Он сел в машину, и она укатила. Хансард ослабил узел на галстук, внезапно сдавившем шею, и пошел ловить такси, пока не начался дождь.

Двадцать девятого августа в Лондоне лило с рассвета. В Блумсбери, в квартире неподалеку от Британского музея, женщина в синем трикотажном платье сидела одна на стуле рядом со своей узкой кроватью. На кровати лежал номер «Тайм» с кратким некрологом д-ра Аллана Беренсона в разделе «События», документы из Центра командно-штабных игр министерства обороны, все с грифом «Секретно», и обоюдоострый кинжал из прозрачной эпоксидной смолы, почти не различимый на фоне цветного покрывала. Беренсон называл этот нож «церэушной вскрывалкой для конвертов». Нож лучше держал заточку, чем стальной, и был невидим для металлодетекторов.

– Такие подарки ты делаешь, – сказала она, когда он подарил ей этот кинжал.

Женщина захлопнула журнал, чтобы не видеть больше имя Аллана. На обложке была фотография американского сенатора; если верить заголовку, он «бросил вызов Вашингтону». У него была идиотская улыбка, какую американские политики всегда нацепляют на публике. Беренсон как-то рассказал ей историю про этого сенатора, официальный прием и средства производства.

В некрологе написали, что у д-ра Беренсона не осталось родственников.

Женщина сняла телефонную трубку и набрала номер. Тот, кто продиктовал ей этот номер, строго предупредил не записывать его. Она не записала, но по своим причинам.

Беренсон не знал, что ей известен этот номер. Он бы взял с нее слово никогда по этому номеру не звонить, как она пообещала не продолжать НОЧНОЙ ГАМБИТ. Даже одно обещание умершему нарушить больно.

После двух гудков на другом конце сняли трубку и произнесли имя. То было всего лишь слово, фигура в танце сокрытий и узнаваний.

– Это по поводу фамильного серебра, – объявила женщина. – Мне сказали, у вас могут быть два предмета, которых мне не хватает для коллекции. С клеймом Шеффилда, тысяча восемьсот двадцать первого года... Да, я подожду.

После паузы голос произнес несколько слов. Женщина ответила:

– Да, я хотела бы забрать их как можно скорее... Прекрасно... Ваш адрес?.. Нет, я запомню.

Она повесила трубку и сравнила кодовый адрес со списком явок. Хитроу. «Холидей инн». «Русские любят самые американские гостиницы», – сказал Беренсон тогда в Эдинбурге. Как всегда, в точку.

Она схватила журнал и бросила на пол, потом сползла со стула, встала на колени у кровати и зарыдала.

Часть вторая. У друзей

*Возможно, кой-кому я ненавистен,
Но у друзей я обрету защиту²⁴.
– «Мальтийский еврей», пролог*

Был август, самая душная пора невыносимого вашингтонского лета. Николас Хансард ослабил узел галстука и нес льняной пиджак перекинутым через «дипломат». Так было чуточку легче, да и в тени под деревьями на Джорджтаунской улице пекло немного меньше, однако за ветками небо по-прежнему было цвета скисшего молока, а солнце как будто заполняло его целиком.

Вдоль улицы высились узкие дома, кирпичные или каменные, с черными узорными решетками на окнах и перилами у входа. Почти на всех дверях блестели гравированные таблички с фамилиями врачей, юристов, консультантов. Попадались флаги на древках с орлом, полотнища обвисли в знойном воздухе. На крышах кондиционеры выкачивали влажность и жар из домов обратно в атмосферу.

На узкой проезжей части ярдах в двух от знака, запрещающего парковку в любое время суток, стоял черный «Мерседес» с дипломатическими номерами. Хансард почувствовал неудержимое желание его пнуть и даже занес ногу, но вовремя себя остановил и смущенно огляделся. Улица была пуста. Он улыбнулся окну в доме, перед которым стояла машина, на случай если какой-нибудь сотрудник спецслужбы его фотографирует. Затем сказал: «Наверное, из-за жары» на случай скрытого микрофона и пошел дальше.

Он знал, что дело не в жаре. Дело в покойном Аллане Стоволле Беренсоне.

Хансард поднялся по пяти гранитным ступеням к дубовой двери. Бронзовая табличка, начищенная до золотого блеска, гласила:

БЕЛАЯ ГРУППА ЛИМИТЕД

Контрактная исследовательская организация

«Только по предварительной договоренности» написано не было, это предполагал район. Хансард нажал кнопку звонка и улыбнулся в камеру. Через мгновение раздался щелчок, Хансард толкнул дверь. Повеяло благословенной прохладой. Короткий коридор впереди заканчивался решеткой, как в банковском сейфовом помещении. Решетка была открыта. Хансард постоял мгновение, обсыхая в прохладном воздухе, и прошел в комнатку, обставленную в чопорном эдвардианском стиле. Из комнатки вели три двери, по одной в каждой стене.

За большим, заваленным бумагами дубовым столом сидел молодой человек младше Хансарда. Он глянул через очки в черной оправе и спросил:

- Чем могу быть полезен?
- Мне нужен Рафаэль, – ответил Хансард.
- Вы член группы, сэр?
- Вы прекрасно знаете, кто я, и у меня нет сегодня желания играть в игры.

Хансард достал пропуск – белую пластиковую карточку – и бросил на стол. Секретарь сдвинул книгу в кожаном переплете, обнажив вмонтированный в стол прямоугольник темного стекла. Хансард приложил к стеклу правую ладонь, молодой человек вставил пропуск во что-то под столом. Зажегся белый свет, стекло под рукой стало теплым.

²⁴ Перевод В. Рождественского.

– Здравствуйте, доктор Хансард, – сказал молодой человек. – Рафаэль сейчас на совещании, но, если вы подождете в холле, я сообщу о вашем приходе.

– Он правда на совещании? – спросил Хансард.

– Да, доктор Хансард. Правда.

– Извините, – неловко проговорил Хансард.

– Не стоит извиняться, доктор Хансард. День очень жаркий.

Секретарь сделал движение рукой, и одна из дверей распахнулась как по волшебству.

Холл был удобный, с кожаными креслами, книгами, свежими журналами – «Иностранные дела», «Панч», «Смитсоnian» – и баром, где стояли дорогие напитки и бренди в деревянном бочонке. Хансард налил себе кофе (он оказался свежий, как будто здесь кого-то ждали) и сел. На одной стене висел Тернер, на другой бархатные шторы в пол изображали окно. На фасаде здания окна были и даже светились вечерами, однако внутри Хансард не видел ни одного. Они слишком уязвимы для бомб, для взлома, для лазера, считывающего вибрации стекла. Он огляделся. Ни одной камеры на виду, но, что его снимают, сомнений нет.

Внезапно засмутившись, он пошел в маленький кафельный туалет, смыл с лица и рук уличный пот, причесался, поправил галстук. Затем вернулся и стал, прихлебывая кофе, читать «Экономист».

На столе рядом с его локтем что-то запищало. Хансард чуть не выронил чашку. Звонил электронный телефон.

– Доктор Хансард, – сказал голос Рафаэля в черной прямоугольной трубке, – зайдите ко мне, пожалуйста. Кофе возьмите с собой.

Открылась дверь маленькой лифтовой кабины. Хансард вошел в нее и поехал вниз.

Рафаэль в песочного цвета шелковом костюме, рубашке-хаки и коричневом галстуке сидел за столом в белой прохладе кабинета. Все мониторы были темны, тихонько шелестели зеленые папоротники в кашпо.

– Вам стоило позвонить, доктор Хансард, – сказал Рафаэль. – Я бы предупредил, что у меня совещание, и вам не пришлось бы ждать.

– Ничего страшного, – ответил Хансард внезапно осипшим голосом. – Я просто хотел вручить вам это.

Он достал из «дипломата» длинный белый конверт и положил на стол.

Рафаэль не тронул конверт.

– И что здесь?

– Мое заявление об уходе. Из Белой группы. С сегодняшнего дня.

– Очень сожалею. Мы высоко ценили вашу работу.

Наступила пауза. Рафаэль как будто застыл, даже не моргал. Конверт лежал на столе – белый островок в море черного. Наконец Рафаэль спросил:

– Что-нибудь еще, доктор Хансард?

– Вы не хотите узнать причину?

– Я предположил, что здесь, – Рафаэль тронул конверт, – все объясняется.

– Да. Да... наверное. – Хансард набрал в грудь воздуха. – Это повлияет на мое положение в колледже?

– Вы, полагаю, не уходите с преподавательской должности.

– По своей воле – нет.

– Доктор Хансард. Вы, по-видимому, ждете, что я стану вам угрожать, но я не понимаю почему. У вас есть основания полагать, что вас принудили к работе с нами?

– Нет.

– Или что она была условием вашей преподавательской деятельности?

– Нет.

– Рад слышать. Как вам известно, доктор Хансард, у нас информационное агентство – мне это слово нравится больше, чем «разведывательное», поскольку ни на что не намекает, – а шантаж в целом плохой метод собирать информацию. Думаете, я согласился бы держать кого-нибудь в Белой группе против его воли? Если вы недовольны, вы со временем начнете нас предавать.

– Я не...

Рафаэль поднял руку.

– Я не о ренегатстве или переходе на другую сторону, доктор Хансард. И вообще не о каких-либо сознательных действиях. Просто о некотором сдвиге интерпретаций. Вы преподаватель; вы можете по письменному заданию отличить студентов, любящих предмет, от тех, кто его ненавидит?.. Разумеется, начни вы лгать, мы бы скоро это увидели. – Рафаэль пригвоздил его взглядом бесцветных глаз и невинно улыбнулся. – А так бы оно и было.

Наступила новая долгая пауза.

Хансард сказал:

– Что ж, наверное, в таком случае все.

– Не совсем, доктор Хансард. К вам выехал курьер с новым документом, по которому мы хотели получить ваше мнение.

– Что за документ? – спросил Хансард и тут же себя одернул. – Ой. Прошу прощения.

Рафаэль скривил губы, как будто улыбаясь.

– Мне не составит труда вам сказать, поскольку дело не секретное. Вы слышали о Скинской рукописи?

– Конечно, – с удивлением ответил Хансард. – Новая пьеса Кристофера Марло.

– Насколько я понимаю, аутентичность не доказана. К нам поступила копия рукописи для установления подлинности текста.

– Почему вам?

– Дружеские связи между агентствами. Как вы знаете, в британских спецслужбах много ученых... Теперь вы понимаете, как жаль мне расставаться с вами именно сейчас. Но. – Рафаэль свел кончики пальцев. – Когда приедет курьер, просто откажитесь принять доставку, процедура вам известна. И, пожалуйста, уходя, оставьте пропуск секретарю. Спасибо, доктор Хансард. С вами очень приятно было работать.

– Ладно, сделаю, – сказал Хансард.

– Что-что?

– Это так вы меня не шантажируете?

Рафаэль сказал:

– Доктор Хансард, вы сами меня спросили, что за документ.

– И это не связано с разведкой?

– Если вы спрашиваете, относится ли это к секретной работе, которой вам расхотелось заниматься... – начал Рафаэль, и у Хансарда мороз пробежал по коже. Порой казалось, что Рафаэль знает все, – то вам известно мое отношение к секретным материалам.

– Да, разумеется.

– Однако жестоко было бы вас дразнить. Вы действительно хотите уйти из нашей организации, доктор Хансард? Вопросы о рукописи это совершенно не касается.

– Да, я действительно хочу уйти, – сказал Хансард.

– Что ж, хорошо. Как вы помните, наш договор включает выходное пособие только при роспуске группы. Однако, если вы дадите заключение по рукописи, мы выплатим вам обычный гонорар плюс бонусы. Вас это устраивает?

Гонорар плюс бонусы составлял три его годовых университетских зарплаты.

– Вы хотите, чтобы я установил подлинность манускрипта...

– Доктор Хансард, я, как уже говорил, хочу, чтобы вы были довольны.

– Я... – Хансард сглотнул. *Должны быть дерзким вы, развязным, гордым, решительным, а иногда ударить, когда представится удобный случай.* – Скажите мне честно, Рафаэль, это связано со смертью Аллана Беренсона?

– Меня огорчает, что вы подозреваете меня в нечестности, доктор Хансард. У вас есть основания полагать, что здесь возможна связь? Это, разумеется, было бы интересно.

– Он... очень любил Марло. Именно Аллан рассказал мне про Скинскую рукопись. Если в Штатах имелась копия, он наверняка бы про нее знал. Теперь его нет в живых, и у вас есть экземпляр.

Рафаэль кивнул.

– Вы блестящий аналитик, доктор Хансард. Однако совпадение не столь поразительное. Рукопись была у нас еще до смерти доктора Беренсона.

– Тогда вы мне не сказали.

– Я собирался, однако тут возникли бумаги Монтроза, и, честно сказать, они были куда важнее.

– Да. Понимаю... Так, значит, связи нет.

Хансард догадывался, что пытается отстраниться от смерти Аллана, и предполагал, что Рафаэль это чувствует.

– Если связь есть, мне о ней ничего не известно.

Хансард кивнул. Рафаэль мог говорить правду, а мог лгать (хотя Хансард ни разу не поймал его на лжи). Однако невозможно было поверить, что он владеет некой информацией и отрицает это, говорит «не знаю».

Хансард сказал:

– У меня будут определенные расходы. Почти наверняка надо будет съездить в Англию.

– Ваш представительский счет останется открытым. – Рафаэль идеально наманикюренными пальцами взял конверт с заявлением об уходе. – А это не распечатают до тех пор, пока вы не завершите работу. Таким образом, вопроса о расходах не возникнет. Пропуск тоже пока оставьте себе; он открывает некоторые двери.

– Хорошо. Я поеду домой встречать курьера.

– Не спешите. Доставка назначена на сегодняшнюю ночь. До свидания, доктор Хансард.

– До свидания, Рафаэль.

Хансард вышел. Едва дверь за ним затворилась, Рафаэль щелкнул тумблерами на столе и включил мониторы. Он посмотрел, как Хансард выходит из здания в одуряющий уличный жар и сворачивает к метро, затем убрал конверт в ящик стола, встал и вернулся в соседнее помещение.

Стрингер и еще четверо сидели за конференц-столом. В углу большой монитор показывал кабинет Рафаэля с камеры за его плечом. Стрингер нажал кнопку и отключил экран.

Рафаэль сел во главе стола:

– Ваши мнения?

– Его не пришлось долго уламывать, – заметил Джосайя Блейн Картерет, доктор политических наук, высокий спортивный блондин с острым лицом и каролинским выговором. – Впрочем, он всегда производил впечатление податливого молодого человека.

– Можно было рассчитывать, что он клюнет на такую наживку, – сказал Роберт Букер Эпплвуд, доктор исторических и филологических наук, темнокожий, широкогрудый, с курчавой седеющей бородой. – Многие пошли бы на многое ради возможности взглянуть на Скинскую рукопись. Он точно не знал, что у Аллана была копия?

Стрингер (он сидел за дальним концом стола) ответил:

– Беренсон привез ее из последней поездки в Англию, девятого августа. С Хансардом он последний раз виделся тринадцатого июня.

Линда Гулд (доктор математических наук, маленькая, смуглая, мускулистая) уточнила:

– Последний известный нам раз. За Беренсоном следили плохо.
– Мы же не болгары²⁵, – ответил Эпплвуд.
– Следили бы лучше, Беренсон был бы жив, – возразила Гулд.
– Возможно, да, но это больше не имеет значения, – сказал Рафаэль. – И, безусловно, это не наша сфера ответственности.

Картерет сказал:

– Допустим, Хансард найдет человека, от которого Аллан получил рукопись?

Эпплвуд ответил:

– У вас паранойя, Джо.

– Да, брат Боб, есть такое дело. С тех пор как всплыло досье Монтроза, я в должной степени безумен.

Стрингер сообщил – монотонно, будто читал по бумажке:

– Беренсон получил копию Скинской рукописи от сэра Эдварда Мортон Четвинда, кавалера ордена Британской империи, преподавателя Кембриджского университета... и главы разведывательного отдела МИ-шесть. Беренсон и Четвинд были знакомы очень давно, но, по данным проверки, Четвинд абсолютно чист. Он не связан с группой Монтроза.

– Спасибо и на том, – сказала Гулд. – Чертов размокший портфель и без того попортил британцам кровь, не хватало им только главы отдела в списке.

– Они очень болезненно это воспринимают, Линда, – сказал Эпплвуд.

– Болезненнее нас, – раздался еще один голос. – И Аллан мог быть почище группы Филби.

– Доктора Хансарда рекомендовали вы, доктор Полоньи, – сказал Рафаэль. – У вас есть какие-нибудь соображения?

Августина Полоньи выпрямилась в инвалидном кресле и склонила голову набок.

– Насчет чего, Рафаэль? Он страшно мучается совестью из-за смерти Аллана. Мы чуть его не лишились. Знай он, каких еще бед натворил список Монтроза, мы бы лишились его надолго, если не навсегда. Он бы просто оцепенел от ужаса и отвращения. Джо назвал его «податливым», и это правда. Именно такая восприимчивость к идеям, к другому образу мыслей и делает его гениальным аналитиком. – Она прикурила новую сигарету от старой. – Надо было видеть его над игровой доской «Дипломатии», он играл за главу государства с большей самоотдачей, чем иные занимаются настоящей политикой. Аллана это умиляло до слез. – Она затушила почти целую сигарету. – Николас – ответственный, незашоренный, серьезный молодой человек, который по-прежнему на нас работает. Верно, Рафаэль?

Рафаэль сложил ладони.

– Верно, доктор Полоньи. – Он поднял глаза. – Стрингер, будьте добры, хронологию.

Стрингер открыл прозрачную папку и глянул на нее через очки:

– Десятого августа Аллан Беренсон возвращается из Англии, где, как мы можем быть уверены на стандартном уровне проверки, встречался с куратором из КГБ. Кроме того, он получил у Эдварда Четвинда копию Скинской рукописи. Двенадцатого августа Беренсон фотографирует манускрипт и отправляет пленку в Англию на адрес, который оказался закладкой. Изъятие закладки не зафиксировано.

Картерет тихонько загудел себе под нос.

Стрингер продолжал:

– Четырнадцатого августа подрядчик Белой группы проникает в квартиру Беренсона и фотографирует рукопись. Двадцатого августа обнаружены документы Монтроза, доктор Хансард устанавливает их подлинность, находку передают в ЦРУ. Двадцать четвертого августа док-

²⁵ *Мы же не болгары.* – Самой знаменитой операцией болгарской разведки (на самом деле – КГБ по просьбе болгарского руководства) было убийство болгарского диссидента Георгия Маркова в Лондоне. Маркова убили выпущенной из зонтика пулей со смертельным ядом.

тора Беренсона ликвидируют условно чистым способом, двадцать пятого его экономка находит тело, двадцать шестого протоколы по запросу передают в Белую группу.

Рафаэль сказал:

– Очень хорошо. Доктор Эпплвуд, ваши заключения по рукописи.

– Стрингер, будьте добры, слайды, – попросил Роберт Эпплвуд.

Стрингер вставил пластмассовую коробочку со слайдами в углубление стола, что-то нажал. На стенном экране появился затрепанный бумажный лист, исписанный мелким почерком.

Эпплвуд сказал:

– Рукопись нашли полгода назад при ремонте Скин-хауза в Линкольншире. Рабочие пробили стену в то, что, по-видимому, было тайным убежищем священника²⁶. Там нашли несколько католических книг и документов, а также, в деревянной шкатулке, рукопись стихотворной пьесы в елизаветинском стиле, озаглавленной «Трагедия убийцы» и подписанной «Кристофер Марло». Почерк очень близок к тому, что считается собственноручными записями Марло. Следующий, пожалуйста. Это двадцать первая страница Скинской рукописи, сфотографированная нашим подрядчиком четырнадцатого августа. Следующий рядом, пожалуйста.

Сбоку от первого кадра появился второй. На нем тоже была страница из манускрипта, очевидно та же. Некоторые места в тексте были обведены красным.

– Двадцать первая страница манускрипта, найденного в квартире доктора Беренсона после его смерти, – продолжал Эпплвуд. – Текст сходен, и почерк, и даже мятость бумаги. Однако отличается все. Следующий.

На экране появились рядом увеличенные детали манускрипта.

Гулд сказала:

– Да, вижу. В правом подстрочные элементы гораздо четче.

– Следующий, – попросил Эпплвуд.

На слайде были две колонки машинописного текста – сравнение слов и фраз из двух манускриптов.

– В текст внесены двести двадцать три изменения. По большей части они пустяковые и всего лишь создают альтернативную версию пьесы. Разумеется, известные пьесы Марло, включая «Доктора Фауста», существуют в разных вариантах. Однако некоторые изменения – это анахронизмы и ошибки словоупотребления, частью мелкие, частью нет. Наиболее яркий случай – последний акт, описание придворной маски²⁷, во время которой должны убить короля. Стрингер, пожалуйста, следующий... Разумеется, это может быть невероятное совпадение, но я не вижу способа прочесть это иначе, чем довольно изысканный елизаветинский белый стих о бигмаке, картошке фри и шоколадном коктейле.

Линда Гулд сказала:

– И какие выводы?

– Выводы, – ответил Эпплвуд, – заключаются в том, что рукопись, найденная в квартире Беренсона после его смерти, не та же, что была у него двумя неделями раньше. Если бы манускрипт выкрали и оставили вместо него подделку, даже плохую подделку, это можно было бы понять. Однако подделка исключительно хороша; тот, кто ее изготовил, должен был иметь

²⁶ ...что, по-видимому, было тайным убежищем священника. – Во время гонений на католическую церковь при королеве Елизавете во многих замках, чьи хозяева тайно исповедовали католицизм, устраивались потайные комнаты для священников – от замаскированных чуланчиков, куда можно было спрятать человека при опасности, до помещений побольше, где тайно служили мессы.

²⁷ ...описание придворной маски... – маска – музыкально-драматический жанр, популярный при английском дворе XVI–XVII вв., аллегорическое представление с песнями и танцами, со сложными костюмами и декорациями.

в своем распоряжении оригинал. Изменения внесены сознательно. Вопрос, кто это сделал и зачем?

– И когда, – добавила Гулд.

– Нет, думаю, с этим все ясно, – ответила Полоньи. – Рукопись подменили после убийства. Шкатулка была открыта; Аллан изучал манускрипт незадолго до смерти. Он бы заметил изменения.

Картерет сказал:

– Допустим, он знал о подмене? Приложил к ней руку?

– Тогда он не изучал бы рукопись.

Гулд сказала:

– Сделано ли сравнение этого экземпляра с другими?

– Других экземпляров нет, – сказал Эпплвуд. – Во всяком случае, в этой стране. Все, кто занимается текстом, очень озабочены, чтобы вокруг них не случилось такой же газетной свистопляски, как вокруг дневников Гитлера – особенно если манускрипт тоже окажется подделкой.

– Однако у Беренсона экземпляр был, – заметил Картерет. – А он даже не историк.

Полоньи сказала:

– Джо, вы не хуже меня знаете, что Аллану оказывали услуги, порой исключительные.

Гулд сказала:

– Так вы считаете, пьеса может что-нибудь дать.

Эпплвуд пожал плечами и глянул на Рафаэля.

Рафаэль сказал:

– Мы практически уверены, что доктор Беренсон руководил сетью агентов. Увы, у спецслужб нет никаких ниточек, чтобы на этих агентов выйти. Нам остается, как всегда в таких случаях... – он вроде бы улыбнулся, но, возможно, так показалось из-за освещения, – исследовать все доступные возможности.

Гулд сказала:

– Хансард будет заниматься пьесой, которой, на минуточку, *четыреста лет*.

– И которую Аллан счел нужным отправить своему агенту по секретному каналу, – ответила Полоньи.

– Ладно, – проговорила Гулд. – Это хоть что-то. И у нас точно нет ничего другого. Полагаю, гонорар будет огромный?

Картерет рассмеялся. Стрингер поднял страдальческий взгляд. Рафаэль сказал только:

– Есть еще соображения по поводу данной операции?

– Просто разбудите меня, когда все закончится, – ответил Картерет, вставая. – Прошу у всех прощения, но у меня лекция...

– Разумеется, – сказал Рафаэль. – Следующая официальная встреча через две недели.

Картерет вышел. Эпплвуд и Гулд попрощались со всеми и ушли вместе, продолжая прерванный разговор о криптографии. Стрингер встал, кивнул доктору Полоньи и тоже вышел. Дверь за ним закрылась со слабым шипением.

Доктор Полоньи достала еще сигарету и прикурила от зажигалки «Зиппо» с эмблемой воздушно-десантных сил Иностранного легиона. Рафаэль сидел абсолютно неподвижно. Она затянулась, выпустила дым и сказала:

– Вы решили поручить это... упражнение Николасу до или после того, как он сообщил о своем решении уйти?

– Вы согласитесь, что лучше его никто не справится.

– Лучше его никто не справится, как вы прекрасно знаете. А теперь ответьте на мой вопрос.

– Разве вы сейчас на него не ответили?

Полоньи мгновение молчала, потом спросила:

– Вы уверены, что он не уйдет, да? Вы рассчитываете его использовать, пока он не...

– Доктор Хансард добровольно подал прошение об отставке и так же добровольно взялся за Скинскую рукопись.

– Он чувствует себя виноватым, считает себя ответственным, – сказала Полоньи. – Он гениально отыскивает исторические причины и следствия; думаете ли вы, что он не увидит их здесь?

Рафаэль кивнул:

– Продолжайте.

– Мы могли бы сообщить ему правду. Что Аллан был под подозрением уже два месяца и за ним наблюдали. Можно было бы даже рассказать о Семиакте. Уверена, его бы это зачаровало.

– Уменьшило бы это его чувство вины? Вопрос не риторический, доктор Полоньи. Я не против того, чтобы открыть доктору Хансарду больше – если это улучшит его душевное состояние. И, разумеется, вы знаете, какой гриф секретности у Семиакта. Мы не вправе раскрывать Хансарду сведения такого уровня.

– С каких пор вас смущает уровень допуска? – Полоньи покрутила сигарету в пальцах. – Возможно, вы правы. Это лишь... еще больше осложнит дело. Я снимаю свое предложение.

– Оно было разумным.

– «И все мы, о, мы все весьма разумны»²⁸.

– Доктор Беренсон был вашим другом, – сказал Рафаэль. – Доктор Хансард завербован вами. Хотя и не знает об этом.

– Мне будет очень не хватать Аллана, – проговорила доктор Полоньи голосом, в котором не слышалось особых чувств и уж точно не слышалось горя. – Особенно – «Дипломатии» с ним... вы когда-нибудь играли в «Дипломатию», Рафаэль?

– Я знаком с игрой, – ответил Рафаэль, – но не играю.

– Да, понимаю. – Полоньи улыбнулась. – Зачем вам? До свидания, Рафаэль.

– До свидания, доктор Полоньи.

Она затушила сигарету в переполненной пепельнице, развернула инвалидное кресло и поехала к выходу. Дверь с шипением открылась перед ней и закрылась за ее спиной.

Рафаэль встал и пошел в свой кабинет. Когда он выходил, датчик почувствовал, что в конференц-зале никого нет, и выключил свет.

Рафаэль сел за стол, сложил ладони и стал смотреть на экраны. Через несколько минут вошел Стрингер с черной папкой и положил ее на стол.

– Последний отчет по ликвидации Беренсона.

Рафаэль открыл папку, проглядел документы, захлопнул ее.

– Да... я помню времена, когда у каждой спецслужбы был свой стиль ликвидации. Этим гордились. «Так умрет каждый, кто против нас». Затем из убийств ушел всякий азарт, осталась одна целесообразность, и все стали делать целесообразно. Экономно, эффективно, конвейерно. Как японские автомобили.

– Важно ли, кто его убил?

– Не особо. Не закрывайте досье. Где сейчас доктор Хансард?

– В Шекспировской библиотеке Фолджера. Пошел туда напрямик отсюда.

– А... – Рафаэль чуть изогнул губы в улыбке, шире он не улыбался никогда. – Рукопись еще не доставили, а он уже вошел в исследовательский режим.

Стрингер глянул чуть озадаченно – сам он был в исследовательском режиме всегда.

²⁸ «И все мы, о, мы все весьма разумны» – перефразированные слова Марка Антония из «Юлия Цезаря» Шекспира: «Ведь Брут – достопочтенный человек, и все они, о, все достопочтенны» (Акт III, сцена 2. Перев. И. Мандельштама).

– Вести запись, что он там делает?

– Незачем, – ответил Рафаэль. – Как напомнила мне доктор Полоныи, понимай мы, что доктор Хансард делает с историческими источниками, мы бы меньше нуждались в его услугах. Очень скоро он поедет в Англию. Организуйте слежку.

В вестибюль лондонского отеля вошла ослепительная пепельная блондинка в панорамных солнечных очках, серебряных с бронзой серьгах размером в ладонь, просторном белом тренкоте от Карла Лагерфельда, черной водолазке и кожаной юбке. Все аксессуары – шарфик, перчатки, пояс, туфли на опасно высоком каблуке – были такие же кроваво-алые, как ее помада.

Всех в холле что-нибудь приковало – каблуки, бедра, загадочные губы; все смотрели. Раскрытые журналы и недописанные открытки были забыты, руки, протянутые за ключами или за сдачей, замерли в воздухе. Когда за женщиной закрылась дверь лифта, по вестибюлю пробежала дрожь облегчения.

Женщина вышла из лифта на девятнадцатом этаже. Тускло освещенный прохладный коридор был застелен рыжим ковром, стены покрывало что-то вроде лакированной мешковины. В нише гудел и похрустывал льдогенератор.

Женщина постучала. «Войдите», – ответил мужской голос. Она вошла.

Огромный номер был обставлен псевдофранцузской мебелью в стиле, который Аллан называл «Людовик иррациональное число». Женщину позабавило, что у лондонского резидента КГБ такой эталонно империалистический письменный стол.

Палатайн стоял у окна, спиной к ней.

– Доброе утро, – сказал он и обернулся. Глаза его расширились, но совсем чуть-чуть, и он улынулся. – Наряд... Э... впечатляющий.

Акцент у него был подлинно британский, не чисто оксфордский, как у иностранцев, а чуть западнее би-би-сишного.

– Кто-нибудь видел, как вы сюда вошли?

– На меня пялились как безумные, но хвоста не было. И обычно я одеваюсь иначе.

Одежду она взяла у подруги под предлогом романтического ланча.

Палатайн оглядел ее лицо, очки.

– Да, вижу. Защитная окраска. Очень хорошо.

– Рада, что вам нравится, – ответила она не слишком сухо. – Есть ли у вас оперативное досье?

Палатайн развел руками:

– Безусловно, нам найдется что обсудить раньше. Сменить главного исполнителя не так просто, и вы наверняка знаете, что группа, которую я представляю, не замечена в расхлябанности.

Женщина сказала:

– Обсуждать нечего. Изначальные условия были пятьсот тысяч фунтов золотом за доставку блока КОН-СВЕТ и еще миллион при условии успеха операции НОЧНОЙ ГАМБИТ. Мои условия такие же.

– Вы узнали их от прежнего главного исполнителя?

– Не знаю, где еще я могла их услышать.

Палатайн кивнул:

– Управление «С» просило передать, что, если операция НОЧНОЙ ГАМБИТ превосходит ваши возможности, вам выплатят семьсот тысяч фунтов только за доставку КОН-СВЕТ.

– Передайте управлению мою благодарность, но я вполне в силах выполнить операцию целиком. Собственно, меньшее меня не интересует. А теперь я хотела бы посмотреть досье.

Палатайн сказал:

– Мы также готовы предоставить вам оперативного сотрудника. Это не уменьшит плату за ваши...

– Нет. Досье.

– Как пожелаете.

Палатайн подошел к столу, взял прямоугольник серого металла размером с банковскую карточку и вставил в щелку между двумя ящиками. Раздался щелчок, Палатайн выдвинул ящик и достал папку с надписью ЛИНИЯ ZN.

– Список, разумеется, зашифрован. – Он протянул папку, улыбаясь, словно знает некий восхитительный секрет.

– Естественно. – Женщина улыбнулась, открыла папку, проглядела список агентов и сказала: – ВАГНЕР. Конечно.

Она тихонько засмеялась.

– ВАГНЕР – одно из имен в списке агентов, – сказал Палатайн. – Вы с ним знакомы?

– Я – он, – ответила она и тут же пожалела о своих словах. Лучше было соврать, оставив Палатайна и КГБ полностью в своей власти.

– Вы позволите? – спросил Палатайн и потянулся к папке.

Он проглядел список.

– ВАГНЕР... Полагаю, вы любите музыку? Возможно, вы музыкант-любитель?

Она ответила:

– У него получилось. Он сказал мне, что вы не сможете расшифровать список, и вы не смогли. Не приди я, вы бы тыкались наобум.

Палатайн ответил с досадой:

– У нас есть кое-какие ресурсы.

– Ни черта бы вам это не дало.

Палатайн на мгновение задумался.

– Извините, мисс...

– Называйте меня ВАГНЕР, – весело ответила она.

Палатайн улыбнулся и кивнул.

– Разумеется, мы очень ценим вашу помощь и вознаградим ее соответственно. НОЧНОЙ ГАМБИТ – гениальный план, блистательная идея.

– Не пытайтесь льстить мне, лстя Аллану, – сказала она. – В качестве памятника ему такое не пойдет. Это шпионаж, измена и запланированное убийство, о чем Аллан прекрасно знал.

Палатайн без тени огорчения или нервозности пожал плечами.

– В таком случае не делайте ничего. Разоблачите план. Разоблачите меня. Возможно, вам удастся обелить имя доктора Беренсона.

– Дайте мне список.

Палатайн вернул ей папку:

– Могу я еще чем-нибудь быть полезен?

– Да. Мне нужны деньги, по меньшей мере десять тысяч фунтов наличными. Мне предстоит путешествовать, и я не хочу оставлять след из чеков.

– Вполне разумно. Пусть будет двадцать, чтобы вам не остаться без средств в неподходящий момент. – Теперь он говорил тоном доброго учителя; ей хотелось двинуть его в морду, чтобы заткнулся. – Что ж, тогда...

– И пистолет, – сказала ВАГНЕР.

– Извините?

– Что-нибудь тихое. Пули, газ, стрелки, неважно. – Она изобразила широкую улыбку, которую перед выходом отрепетировала перед зеркалом: с темными очками и алой помадой эффект был пугающий. – Не бойтесь, я большая девочка, все будет чисто.

– Что ж, хорошо, – ответил Палатайн, и его шея лишь слегка покраснела.

– Тогда я прощаюсь, мистер Палатайн.

Она взяла бумаги из папки и убрала в нагрудный карман.

– До свидания, – сказал Палатайн.

Когда дверь за ней закрылась, он сел за стол, вытащил дубликат списка ЛИНИЯ ZN, заметки по плану операции и дополнительные материалы. Пометил агента ВАГНЕР как опознанного, подписал внизу карандашом: «Ключ к шифру: музыкальные предпочтения?» и добавил: «Не подтверждено».

Следующие несколько минут Палатайн занимался писаниной – организовывал передачу денег и оружия через закладки, устанавливал слежку за ВАГНЕР. Закончив с документами, он сложил их в стопку и выровнял ее. Через сутки их надо будет сжечь – с началом операции они станут инкриминирующими, однако Палатайн не видел причин обходиться с ними небрежно. Он был аккуратист и даже педант.

Палатайн отлично знал, что КГБ не любит педантов. Несмотря на горы бумажной бюрократии, кагэбэшники по-прежнему тешились образом щита и меча; рыцари в доспехах не выравнивают уложенные в стопку документы. И церэушные ковбои ровно такие же.

Вот почему Палатайну нравилось быть резидентом в Британии; это страна, где ценят чисто убранный письменный стол и отглаженный костюм. Да, конечно, это стереотип, настоящие чванные индюки умерли или ушли в отставку, однако *образ* сохранился, в точности как над советскими разведчиками все еще лежала тень Берии, а над американскими – Дикого Билла Донована²⁹.

Сам Палатайн был одним из последних стопроцентных нелегалов, возможно даже последним. Его родители получили безупречные документы британских граждан – до войны с Гитлером, когда еще не изобрели компьютеры, лазеры и сканирование сетчатки, это было значительно проще. Палатайну осталось лишь родиться у них законным образом, и правительство его величества обеспечило остальные документы. Он вырос англичанином, учился в частной школе и в Оксфорде, в дискуссионном клубе отстаивал позицию Идена по Суэцкому вопросу³⁰. Коммунисты (не те коммунисты) попытались его завербовать, и он добросовестно сдал их университетскому начальству.

Работу в Сити и связи он приобрел настолько честно, насколько это возможно; его британская индивидуальность формировалась по мере того, как советская обрастала подробностями. У него были медали, которых он не видел, форма, которую он никогда не носил, целая призрачная личность в кабинете на улице Дзержинского.

Палатайн записал, что наблюдатели должны немедленно сообщить, как только ВАГНЕР свяжется с агентом, имеющим доступ к блоку КОН-СВЕТ. На этом этапе они должны вмешаться, захватить КОН-СВЕТ и завершить операцию.

Палатайн не солгал женщине: НОЧНОЙ ГАМБИТ – и впрямь гениальный план. Но при этом чрезмерно смелый и безумно рискованный. Очень американский.

По оценкам управления «С», отдела научно-технической разведки КГБ, разработка устройства КОН-СВЕТ обошлась более чем в сорок миллионов долларов. Одни только спутники серии «Ромб», любовь и гордость Агентства национальной безопасности, стоили по полмиллиарда. И все они были обречены из-за университетского профессора и горстки недо-

²⁹ ...а над американскими – Дикого Билла Донована. – Уильям Джозеф Донован (1883–1959) по прозвищу Дикый Билл (Донован заработал его в молодости, когда играл в футбольной команде) – руководитель Управления стратегических служб США во время Второй мировой войны и в первые годы после нее.

³⁰ ...отстаивал позицию Идена по Суэцкому вопросу. – Роберт Энтони Иден (1897–1977), консерватор, премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг. В 1956 г., после того как египетский президент Абдель Насер национализировал Суэцкий канал, Израиль, Франция и Великобритания начали военные действия против Египта. Суэцкий кризис закончился военной победой союзников, но политической победой Египта, на стороне которого выступил Советский Союз, угрожавший Израилю, Франции и Великобритании термоядерными ударами.

вольных на ответственных постах. Аллан Беренсон называл этих людей своими «солнечными предателями». Целая сеть без прямой связи с КГБ, практически без риска негативных последствий и за смешные деньги – НОЧНОЙ ГАМБИТ был бы выгодной операцией даже за полтора миллиона фунтов. Которых они, разумеется, не заплатят.

Тем не менее поводов тревожиться было довольно много. Палатайн знал, что глубина наблюдения недостаточна – плата за счастливую возможность откреститься от всего в случае провала. Более того, не следовало раньше времени привлекать внимание к лазейкам в системе безопасности, на которых строилась операция.

Палатайн откинулся в кресле и сложил руки на груди, удивляясь самому себе. Неужели он начинает мыслить, как американец – буканьер шпионских морей? «Должны быть дерзким вы, развязным, гордым, решительным, – цитировал ему Аллан, – а иногда ударить, когда представится удобный случай».

Палатайн очень любил Беренсона. Они начали со взаимного презрения, так несхожи были их цели и методы, однако со временем поняли, что у них больше общего, чем различий: два умных, образованных человека, обнаруживших, что мир сошел с ума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.